

Алиса Ханцис

И вянут розы
в зной январский

Алиса Ханцис

И вянут розы в зной январский

«Издательские решения»

Ханцис А.

И вянут розы в зной январский / А. Ханцис — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989251-5

«Долгое эдвардианское лето» — так называли безмятежное время, которое пришло со смертью королевы Виктории и закончилось Первой мировой войной. Для юной Делии, приехавшей из провинции в австралийскую столицу, новая жизнь кажется счастливым сном. Однако большой город коварен: его населяют не только честные трудяги и праздные богачи, но и божественная молодежь, презирующая эдвардианскую добропорядочность. В таком обществе трудно сохранить себя — но всегда ли мы знаем, кем являемся на самом деле?

ISBN 978-5-44-989251-5

© Ханцис А.

© Издательские решения

Содержание

Лонсестон	6
1. Верфь королевы	9
2. Марри-стрит	13
3. Свонстон-стрит	18
4. Праран	22
5. Кэмбервелл	27
6. Спринг-стрит	30
7. Виндзор	34
8. Центральный вокзал	38
9. Книжная аркада Коула	41
10. Хотэм-стрит	45
11. Флиндерс-стрит	49
12. Станция «Ист-Кэмбервелл»	53
13. Здание мэрии	59
14. Рэйли-стрит	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

И вянут розы в зной январский

Алиса Ханцис

*Нет такой птицы, чтобы своим крылом излишне воспарила.
Уильям Блейк. «Пословицы Ада»¹*

© Алиса Ханцис, 2020

ISBN 978-5-4498-9251-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лонсестон

С самого утра дом кипел, как муравейник, но не тот уютно хлопотливый муравейник, где работа спорится, а тот, что разворошили палкой, и теперь все его обитатели лишь мечутся, потерянно и бессмысленно. Миссис Фоссетт суетилась, давала служанкам противоречивые приказы, нюхала соли и хваталась за сердце. Отец, раздраженный до крайности нарушением домашнего уклада, который обычно сводился к обеспечению его покоя, проклинал все вокруг. Младшие дети не могли усидеть на месте, то и дело выглядывали в окна – не готова ли лошадь, – и громко обсуждали известные им кораблекрушения в Бассовом проливе². Одна только Делия, невольная виновница этого переполоха, старалась не поддаваться всеобщему безумию. Тихонько напевая, она бродила из комнаты в комнату; трогала, прощаясь, стены, обтянутые шершавой узорчатой тканью; снова и снова выдвигала ящики комодов, словно хотела убедиться, что ничего не забыла. Как странно! Неужели этот большой, холодный дом вот-вот станет частью истории – ее собственной истории? Сколько раз он пугал Делию темными углами и в этих же углах потом великодушно прятал от вещей гораздо более ужасных. Сколько голосов поглотила эта громоздкая мебель: даже самые отчаянные крики не отдавались здесь эхом. Сколько видели эти зеркала в массивных широких рамах. Дом держал ее крепко, стерёг, как бдительная дуэнья. И вот теперь – отпускает.

Левый верхний ящик секретера в ее спальне, как всегда, подался не сразу. Еще утром здесь лежало самое ценное, что у нее было. На самом дне – толстая тетрадь в синем кожаном переплете; сверху – стопка сероватых листов, исписанных убористым аккуратным почерком. Десять лет – полжизни! – сестра для нее существовала лишь в этих письмах. Суховатая и формальная в бесстрастных отчетах об учебе и, позже, о семейных делах, она теплела в коротких записках, адресованных Делии. «У нас здесь был ураган, в школе выбило много окон, все были испуганы, а я вспомнила ту грозу и как мы с тобой бежали по полю. Я бы хотела, чтобы ты была рядом, милая Делия, храни тебя Господь, остаюсь твоей любящей сестрой Агатой». В груди сжималось от этой бесхитростной ласки. Как много могут сделать слова! И как их всегда не хватает – теплых, утешающих. Письма сестры были единственным источником таких слов, а когда она приезжала на каникулы, пересыхал и этот источник. Ведь жесты все-таки не слова, а говорить Агата так и не научилась. Отца это всегда раздражало больше всего: зачем, кричал он, отдано столько денег на эту школу, где из нее так и не сделали нормального человека! Другие учатся говорить и читать по губам, а потом устраиваются в жизни почти на равных со всеми. Но ведь она нашла свое счастье в этой школе, мысленно возражала ему Делия; вышла замуж, уехала в столицу. Однако отец, кажется, так и не смог простить ей этого несовершенства – глухоты.

Кто-то крикнул: «Все готово!», и голос миссис Фоссет: «Скорей! Ах, боже мой, как они долго!». Затопали по коридору, захлопали дверями, и Делия, подхватив саквояж, начала спускаться.

– Когда уже наконец прекратится этот кавардак? Уедет она сегодня или нет?! – воскликнул отец из-за полуприкрытой двери кабинета.

«Она» застыла на ступеньках; захотелось съёжиться, исчезнуть – только бы не быть больше занозой для других, нелепым одиноким деревом, что притягивает все молнии.

– Забыла что-то? – ахнула миссис Фоссетт.

– Нет, ничего, – сказала Делия, стараясь взять себя в руки. – Вы не волнуйтесь, пожалуйста. Я не опоздаю.

² Бассов пролив (англ. Bass Strait) – часть Тихого океана, отделяющая остров Тасмания от материковой Австралии.

Прощались на улице, у ворот, где уже стояла коляска, нагруженная вещами. Делия расцеловала брата и сестру – они, внезапно присмирив, терпеливо снесли ее ласки, которых обычно избегали. Мисс Шульце, качая головой, озабоченно повторяла: «Надо же, совсем взрослая. Едете одна, в такую даль...» Миссис Фоссет царапнула сухими губами щеку и прошептала скороговоркой: «Не разговаривай ни с кем в пути, слышишь?» Отец хмурился, прятал глаза – ему было стыдно за свой неуместный, болезненный гнев. Стыдно, может быть, даже за то, что он не захотел проводить ее до порта; и Делия, чувствуя это, постаралась успокоить его, как могла.

Мальчик занял место на козлах, почмокал, и лошадь нехотя тронулась. День выдался ясным и теплым: суровый остров расщедрился, провожая Делию. Нелегко, оказывается, покидать место, где родился и прожил столько лет. Но она ведь едет в столицу, на большую землю! Сколько там интересного – дух захватывает, как представишь. А главное – там будет Агата. Безмолвная, прекрасная, с оленьими глазами... Изменилась ли она с их последней встречи? Ей, Делии, тогда не исполнилось и семнадцати, а сестра уже три года как оставила родительский дом.

Вот он уже и скрылся из виду – серый, каменный, с высокими английскими окнами, – но все никак не отпускало пасмурное чувство. Было и страшновато расстаться вдруг с прежней жизнью, и неудобно от мысли, что в этом доме пришлось бы провести еще Бог знает сколько времени, если бы не письмо, которое пришло за три дня до Нового года. Письмо в конверте с черной каймой.

Хотя Делия плохо знала мистера Клиффорда, мужа Агаты, известие о его смерти потрясло ее. Маленький и тихий, лет сорока, он так нескрываяемо любовался невестой и так заботливо держал над ней зонтик, когда они стояли под проливным дождем во дворе церкви Святого Иоанна, что теплело на душе и хотелось самой ощутить: каково это, когда на тебя смотрят вот так?

А теперь мистер Клиффорд лежит в земле, и ничье лицо больше не залется румянцем под его любящим взором.

Воздух задрожал от басовитого гудка. «Гляньте-ка», – протянул восхищенно мальчик, прикрыв глаза козырьком ладони. Красавец пароход, громадный, с темно-зелеными боками и красными трубами, стоял у Александрийской верфи.

– Счастливая вы, мисс Делия: на таком корабле поплывете! Это же самый быстрый пароход, ей-богу!

Он чуть не выпустил вожжи из рук, и лошадь, почуяв слабость, перешла на ленивый шаг.

– Мы опоздаем, Питер, – заторопила его Делия.

– Не, – отозвался мальчишка и вытянул лошадь хлыстом. – Но корабль-то какой, а? Двадцать узлов, а может, и больше!

Над причалом красовалась надпись «Турбинный пароход „Лунгана“, экспресс Лонсестон—Мельбурн». Из высоких труб валили клубы дыма, застилая окрестные холмы. Кричали грузчики, гремели железные тележки, заваленные мешками и ящиками. Пароход снова рывкнул – и, двумя октавами выше, взвизгнула пожилая дама в сиреновом и закричала кому-то, сложив руки рупором: «Напишите сразу же, слышите!» Маленький пудель у ее ног мелко вдрагивал и жался к хозяйке. Делия улыбнулась ему, проходя мимо, и пёс проводил ее черными, со слезой, глазами.

Отец посчитал, что второго класса ей будет достаточно, но жаловаться было не на что: каюта оказалась уютной и чистой. Впереди – вечер и ночь посреди бурного моря и ни одного знакомого лица вокруг. Как непривычно! Выйдя на палубу, Делия облокотилась о перила и смотрела на холмистый горизонт, поля и пастбища, вереницы коричневых крыш вдалеке и густую зелень по берегам реки Теймар. С высоты «Лунганы» город виделся безмятежным, словно ничего и не было: ни бравурных парадов, ни яростных гроз – вот по этому полю они бежали тогда с Агатой – ни ее собственных невзгод, которые она топила в большом фонтане

на площади Принца. Если подойти к нему поближе, так, чтобы летящие капли касались лица, то журчание заполняет всю голову изнутри, точно жемчужинками, и в ней не остается места для печалей. А если бы еще, стянув перчатки, окунуть руки в воду... но бдительная мисс Шульце уже наготове и торопит домой пить чай. Унылые эти чаи с маленькими бутербродами и вареными яйцами проходили каждый день одинаково. Миссис Фоссет к ним не спускалась, предпочитая проводить это время в постели; дети же без конца перешептывались, хихикали и бросали крошки на пол, зная, что мисс Шульце будет сердиться.

Пароход выдохнул еще одно черное облако, зашевелился, тяжело отваливаясь китовым лоснящимся боком от причала. Те, кто оставался, махали тем, кто уплывал – весело или, наоборот, с трудом скрывая тревогу. Одна из пассажирок, рыжеволосая девушка с голубыми лентами на шляпке, перегнулась через перила рядом с Делией и полушутливо послала воздушный поцелуй кому-то на пристани. Она смеялась, и играли ямочки на персиковых щечках. Счастливая!

Город, залитый мягким предзакатным светом, вскоре исчез из виду, но Делия все стояла на палубе, так и не веря до конца, что уезжает. Все ее прежние путешествия ограничивались семейными пикниками на морском берегу да редкими визитами к тетке, в Хобарт. «Вы совсем взрослая», – сказала мисс Шульце. Ах, если бы! Никогда она не чувствовала себя взрослой, независимой, уверенной в своих решениях и поступках – такой, как сестра. И сейчас, в минуты расставания с прошлым, ее потянуло преклонить голову на плечо тому, кто всегда давал ей опору.

Делия вернулась в каюту и достала из саквояжа заветную тетрадь. Всякий раз она волновалась, когда открывала ее, словно по этим страницам в самом деле водила родная рука. Увы, оригинал был заперт у отца в столе, и ей оставалось довольствоваться зрелищем собственного почерка. Но разве так уж важно, кто держал перо, если сами стихи – прекрасны?

«Плывет по морю углый челн», – начала она шепотом. Здесь всегда находились нужные строчки на каждый случай. Это был ее часослов, ее Книга песен; обломок цивилизации, которая все еще ждет своего археолога. И, конечно, неиссякаемый источник сил для нее самой – маленькой сестры большого человека.

1. Верфь королевы

Её все не было и не было. Солнце начинало уже припекать, от рыбного рынка несло гнилыми отбросами. Носильщики волокли картонки и чемоданы, по трапу всё спускались и спускались пассажиры, не было только Делии. Наконец сестра появилась; она выглядела растерянной и всё вглядывалась в толпу. Одетая в темно-синий дорожный костюм, маленькая шляпка на туго собранных волосах. Чуть повзрослела, пожалуй, но все такая же худенькая. Помнит ли она язык? – подумала Агата с беспокойством. Опять нужно всё повторять, учить: время не терпит.

Заметила! Помахала радостно рукой, улыбнулась; лицо стало почти детским, как раньше. Спустилась – нетерпеливо, чуть ли не бегом – и они обнялись. Людское море обтекало их, а они все стояли и стояли, прижавшись друг к другу, точно боялись, что их опять разлучат.

С багажом Делии – два чемодана, саквояж и две шляпных картонки – нечего было и думать добираться на трамваях. Взяли извозчика: пусть выйдет подороже, зато можно поговорить без посторонних глаз.

Она не стала опускать вдовьей вуали, чтобы сестра могла видеть ее лицо. Как ужасна эта душная креповая темнота, когда лицо твое и руки – главное, чем ты выражаешь себя. Сунула извозчику бумажку с адресом, дождалась, пока погрузят вещи, и откинулась на сиденье. Делия примостилась напротив, с любопытством глядя на улицу сквозь открытый задник фургона. Да, она-то ведь впервые в большом городе. В большом, суетном городе, где так много соблазнов, где так легко пропасть, если ты наивен и юн. Надо глаз не сводить с сестры: уже сейчас она крутит головой во все стороны. Вот поморщилась, как от боли.

«Что случилось?»

«Очень шумно».

Она не забыла язык! По крайней мере, если и забыла, то не всё. Однако что такое она говорит?

«Шумно?»

«Да».

«Что шумит?»

«Поезда, автомобили. Трамваи звенят. Кричат мальчишки».

«Что они кричат?»

Делия замерла, что-то вспоминая, пошевелила пальцами.

«Они кричат: „Взрыв в Форт-Нипине! Тринадцать раненых!“ Продают газеты».

Только-то, подумала Агата. Они свернули на Свонстон-стрит, миновали достроенный наконец-то вокзал и мост, на котором толпились мальчишки-цветочки. Потянулась зеленая полоса парка, где раньше были аттракционы Виртов. Когда-то смельчаки катались там с водяной горки, поднимая тучу брызг, а они с мужем сидели в чайном домике японского сада и пили горячий шоколад. Это было еще до рождения Тави. Как она там? Не очень ли надоела соседке? Все-таки хорошо, когда есть добрые люди, которые могут присмотреть за дочкой...

Её стало мутить от духоты, тряски и уличного смрада, но она, преодолевая себя, ободряюще улыбнулась Делии. Та тоже выглядела утомленной: море наверняка штормило, где там сомкнуть глаз. Сколько ночей сама она провела в дороге, пока училась? Раз в год на каникулы и потом обратно – выходит, дюжину. И каждый раз, садясь в Мельбурне на пароход, она не могла решить – радоваться ли ей? Огорчаться? Она любила школу: уроки в просторном светлом классе и рисование с натуры в школьном дворе; занятия гимнастикой, для которых нужно надевать длинные туники и штанишки ниже колен. А как чудесны были пикники на побережье – запах соленой воды и водорослей, слепящая солнечная дорожка на тихой воде залива...

Самое главное в школе – все тебя понимают, и ты понимаешь многих. Не всех. Когда нужно читать по губам, трудно разобрать, что говорят, особенно те, у кого усы. Это просто наказание, если у человека усы. Чувствуешь себя отвратительно беспомощной – ничего нет хуже. Занятия по артикуляции – еще одна беда. Учительница берет твою руку, прижимает пальцы к своей шее и произносит звуки. Горло вибрирует – то тут, то там, то вдруг расширяется, то снова становится прежним. Это завораживает. Когда пытаешься заставить собственное горло так работать, получается совсем не то. Учительница хмурится и качает головой: нужно, нужно стараться, если не хочешь быть безъязыким иностранцем, неспособным даже купить хлеба в лавке.

Именно эта унижительная роль – чужака в собственной стране – всегда больно задевала Агату, даже сильнее, чем слово «инвалид». «Нетрудоспособный». Она с изумлением примеряла это слово на себя: как же так, ведь есть у нее руки, ноги, она все может – и стирать, и шить, не говоря о письме и чтении. Чем помогла бы ей способность слышать? Наверное, удобно знать, чем занят человек у тебя за спиной, или чувствовать далекий зов. Но все это представлялось ей почти чудом, фокусом, как разговоры на языке зверей или левитация. Приятно владеть такими талантами, но и без них можно жить, не ощущая себя обделенным.

Нет, в школе было хорошо: там она чувствовала себя на равных с остальными. А дома... Одна только Делия, кажется, и любила ее; даже выучила язык, чтобы быть к ней ближе. Остальные жалели, терпели, сторонились – что угодно она читала в их лицах, только не любовь.

Так было не всегда: ей помнилось еще то время, когда скользил по дому мамин силуэт в платье с турнюром. Помнились ее мягкие, чуть полноватые руки и лучистые глаза цвета каштановой скорлупы. Но однажды маму унесли из дома – неподвижную, восковую; унесли младенца, лежавшего, как кукла, среди цветов и лент. Они остались вчетвером, и Агата впервые почувствовала себя одинокой, забытой. Ведь отец всегда любил только Адриана. Внимание, восхищение – ему одному. Потому что первенец; потому что мальчик.

Но все стало еще хуже, когда появилась эта новая женщина, чернявая, с усиками под носом, и ее капризный толстогубый сын. Чужие запахи заполнили дом, голубые занавески в гостиной сменились темно-бордовыми, и это было до того ужасно, что хотелось ножницами впиться в тяжелую и будто бы всегда пыльную материю. Так, этими ножницами, она отрезала себя от своего нового семейства, получив клеймо злой, испорченной, неблагодарной девчонки.

Извозчик свернул с бульвара за пару кварталов до ее школы, и они покатали по улице – мимо госпиталя, мимо рынка. Почти родные, вдоль и поперек исхоженные края.

«Далеко еще?» – спросила Делия.

«Нет, мы почти приехали».

Ей нравилось место, которое они так удачно нашли тогда с мужем: тихая улица около парка; кирпичный коттедж с палисадником, пусть небольшой, но отдельный, не то что эти террасы с соседями за стеной. В погожие дни она сама водила Тави на прогулку в сады Виктории. Там было хорошо – много цветов, фонтан, белые скульптуры вдоль аллеи. Теперь туда не очень-то погуляешь: новый дом, который она нашла вчера, находится хоть и недалеко, в Виндзоре, но до парка оттуда выйдет уже порядочный конец.

Как только выгрузили вещи, Агата сбегала за дочерью к соседям и хлопотала на кухне, собирая нехитрую трапезу. Вскипятила чайник, нарезала вареные яйца и свеклу для бутербродов, достала вазу с печеньем. Каждая мелочь напоминала ей о смерти мужа: так ураган оставляет после себя вырванные с корнем деревья, и эти следы будут долго еще говорить о нем, какой бы тихой ни была погода. Печенье в вазе – она покупала теперь только то печенье, что раскрошилось по дороге с фабрики. Покупала обломки, потому что они дешевле. И всякий раз при виде этих мелочей ее охватывало бессилие. Мужчина, потеряв жену, может чувствовать себя несчастным, но ему не грозит нищета. А что делать ей? Закладывать драгоценности? Соседка, кажется, знает место, где за них дают больше, где-то в городе.

Чуть дрогнул под ногами пол, и она обернулась. «Чем помочь?», – спросила Делия, и от этого естественного вопроса, от того, что сестра не забыла, как привлекать внимание, если стоишь за спиной, вдруг стало светлее на душе. Вдвоем они постелили скатерть, расставили тарелки, чашки. Тави, накормленная соседкой (благослови Бог эту добрую женщину), примостилась на диване с куклой в руках.

«Как там дома?» – спросила Агата, когда они сели за стол.

«Как всегда».

Она понимающе кивнула. Что может измениться в доме, запаянном, как банка консервов? Разве что Генри отчалил от тасманийских берегов в прошлом году, о чем Делия сообщила ей в письме, не скрывая облегчения. Сводные братья бывают ужаснее, чем мачехи. Сама она еще могла противостоять ему, почти ровеснику; сестра же, маленькая, боязливая, не способна была себя защитить. Она и сейчас такая: изжелта-карие глаза смотрят тихо и чуть виновато, в каждом движении сквозит неловкость. Трудно будет ей отыскать себе мужа. Но, как бы то ни было, новая жизнь должна пойти ей на пользу.

«Отец передал денег, – вновь заговорила Делия. – Немного».

Агата усмехнулась. Значит, его все-таки мучало чувство вины за то, что не приехал на похороны, иначе откуда взяться такой доброте? Сказался занятым, обрек ее на постыдное одиночество у гроба. Учителя, ученики – все, кто собрался на кладбище – видели: к ней никто не приехал, чтобы разделить ее горе. Можно ли деньгами заплатить за унижение?

Впрочем, пусть. Жалеть себя – удел слабых.

«Ты привезла одежду для траура?»

«Одно платье. Шелковое».

Придется перекрашивать, озабоченно подумала Агата. Покупать слишком накладно. Ничего, на пару месяцев ей хватит и старых.

После чая, не теряя времени, занялись делами. Для сестры Агата выделила комнату, где прежде жила прислуга. Это временно, объяснила она; все равно переезжать на следующей неделе. Пока Делия распаковывала чемоданы, она вымыла посуду и, отослав Тави в детскую, вошла в спальню мистера Клиффорда.

Она принималась за это уже не в первый раз, но так и не смогла заставить себя сложить его вещи. В его комнате, как и в жизни, всегда царил порядок, нарушить который не поднималась рука. Безыскусная простота, аккуратность, верность себе и другим – все это Агата ценила в муже. Таким людям можно доверять, именно на них, честных тружениках, и держится мир. Сейчас, оглядываясь на свой недолгий брак, она видела воплощение идеального союза, где нет места ссорам и страстям. Когда Делия, укрывшись с ней в уголке накануне свадьбы, спросила: «Ты любишь его?» – Агата не нашлась, что ответить. Но разве не была она счастлива все эти шесть лет? Разве уважение и понимание не стоят любви?

Агата провела пальцем по крышке стола, проверяя, нет ли пыли. Взяла в руки круглое стеклянное пресс-папье с бабочкой внутри. Сдвинула с места тетрадь, куда он писал конспекты к урокам. Сейчас она сложит все это в ящик, и ничего больше не останется от мистера Клиффорда, от его внимания к мелочам, от его собранности и готовности всего себя отдать служению. Так, в ящиках, все это и будет храниться в их новом доме, потому что нельзя снова расставлять всё, как было, обманывая себя и других; строить музей, склеп, в безумной надежде, что это возродит человека к жизни. Кому это известно лучше, чем ей? До сих пор пробегает холод по спине, когда вспоминаешь отцовский дом, где в каждой комнате смотрит на тебя с портретов одно и то же лицо. Интересно, ставят ли они по-прежнему лишний прибор за ужином? Два года, изо дня в день, до самой свадьбы, – этот глубинный, суеверный страх, когда видишь в столовой сидящий в кресле пустой сюртук. Он, конечно, просто висел на спинке, но тогда, в шестнадцать лет, ей казалось, что это призрак. Мерцание свечей делало картину похожей на тот готический роман, что они, девчонки, читали вечерами в школьной спальне,

забравшись под одно одеяло и сблизив головы над страницами. Да, когда-то и она была впечатлительной, как Делия. Но с возрастом это проходит.

Сейчас она соберет всё: ручки, блокноты, бритвы и запонки; визитные карточки, платки с монограммами; соберет и спрячет, чтобы никогда больше не доставать.

2. Марри-стрит

Скрипучий крик ворвался в сон, и все пропало: бесчисленные ступени, коридоры, ведущие в никуда, и страх, что за следующим поворотом она снова попадет в тошнотворную, липкую ловушку. Каким облегчением было открыть глаза и обнаружить вокруг надежные стены Агатино дома! За окном синело небо, и вороны перекликались гортанными голосами. Было душно, простыня вся сбилась, а скомканное одеяло валялось на полу. Наверное, оттого и кошмары, что душно. Прошлой ночью она заснула, как убитая, и казалось, что все тревоги остались позади, на другой стороне Бассова пролива; но, видно, сны эти будут преследовать ее всю жизнь.

Делия проворно поднялась и, плеснув воды в таз, принялась умываться. Из соседней комнаты доносились деловитые шаги, а вслед за ними в молчании семенили другие шажки, быстрые и легкие. Должно быть, уже поздно, озабоченно думала она, растирая мокрой губкой руки и шею. Покончив с умыванием, Делия начала причесываться, то и дело бросая взгляд в небольшое круглое зеркальце, висевшее на стене. Волосы были единственной ее радостью: густые и блестящие, они слегка вились и цвет имели сочный – темно-каштановый с золотистой искрой. Остальное же – сущее разочарование. Ах, чуточку бы жизни добавить в надоевшее свое лицо, такое бесцветное, с мелкими чертами, такое ненастоящее, словно художник бросил рисовать портрет, не доведя до ума даже карандашный набросок. Глаза, и те были не карие, как у сестры, а словно выцветшие до нелепого какого-то, свиного цвета. Хоть плачь.

Тут постучали в дверь, и, не дожидаясь, пока она откроет, вошла Агата – свежая, аккуратно причесанная и одетая для церкви в хорошее платье из генриетты³, отделанное шелковым крепом. Она сказала: «А я собралась тебя будить», – и тут же, не теряя времени, захлопотала вокруг. Словно опытная горничная, перетрясла простыни и застелила кровать; затем, как накануне, помогла Делии затянуть корсет и убрала ей волосы, заколов на макушке длинными гагатовыми⁴ булавками. Руки у нее были ловкие, и их прикосновения быстро разогнали глупые печали. К тому же впереди было столько интересного: столичный город, новые знакомства... Воодушевленная этими мыслями, Делия торопливо оделась. Черное платье, хоть и шелковое, портило ее еще больше; но можно ли сейчас думать о себе и своем тщеславии?

Завтракали все вместе, сидя за круглым столиком в гостиной. Пятилетняя Тави, одетая в простое белое платьице с фартуком, по-прежнему стеснялась Делии и лишь украдкой наблюдала за ней, задрвав курносое веснушчатое личико. Она едва ли помнила свою единственную поездку на Тасманию: это было три года назад. В остальное время Агата ограничивалась тем, что регулярно высылала родным фотографии дочери. Отец же, в свою очередь, не торопился приглашать их снова. Эта разобщенность мучала Делию много лет, с того самого дня, когда из Лондона пришла телеграмма, перевернувшая все. Ведь обычно бывает наоборот – общее горе сближает семью; но нет, только не у них. Так и тянулось бесконечно: отец все глубже уходил в себя, миссис Фоссетт почти все время проводила в спальне, пытаясь смягчить его сердце своими недугами – настоящими или мнимыми, кто знает. Только младшие дети, близнецы Сара и Пол, которым только что сравнялось тринадцать, по-прежнему были не разлей вода. Но им, беспечным, неистощимым на проказы, хватало общества друг друга, и Делия чувствовала себя с ними чужой.

Они выпили чаю с бутербродами, убрали со стола и вышли в палисадник – ждать Агатиных знакомых, чтобы вместе ехать в церковь. Улица казалась пустынной, не слышно было голо-

³ Генриетта – тонкая шерстяная ткань, напоминающая кашемир, обычно черного цвета. Высокое качество делало ее популярным, хотя и дорогим материалом для траурных платьев.

⁴ Гагат – разновидность каменного угля, популярный поделочный камень черного цвета.

сов: никому из соседей-прихожан не нужно было пускаться в путь так рано. Стоять на солнце, да еще во всем черном, было жарко, к тому же утро выдалось безветренным. К счастью, через несколько минут послышался конский топот, и к воротам подъехала вагонетка⁵ без крыши, запряженная гнедой лошастью. Сидевший на козлах дородный джентльмен в котелке и черном воскресном костюме приветственно помахал им рукой и сделал знак забираться внутрь. Там уже помещались две пассажирки, одетые нарядно, хоть и небогато. «Это Делия», – сказала Агата, и дамы заулыбались, кивая и жестикулируя. «Как хорошо, что вы приехали», – сказала та, что постарше, с алыми лентами на шляпке, и Делия покраснела от удовольствия.

Миновав тихий жилой квартал, примыкающий к парку, вагонетка выехала на большую улицу. Высокие каменные дома с козырьками, закрывающими от солнца тротуар, стояли вплотную друг к другу, как в центре Лонсестона. Посередине улицы были проложены две пары рельсов – видимо, совсем недавно, потому что дорогу еще не успели как следует разровнять. Мельбурнские трамваи Делия видела еще раньше, по пути из порта. Они не были, как в Хобарте, двухэтажными и состояли из двух вагонов: один закрытый, а другой, впереди, – вроде веранды на колесах. Провод сверху не тянется, и нет длинного рога на крыше – до чего необычно! По утрам в воскресенье трамваи, конечно же, не ходили, и если бы не добрые люди, говорила Агата, трудно было бы им добираться в церковь. А переселяться ближе к городу она не хотела: очень уж плохой там воздух.

За перекрестком они высадили Тави, которая ходила в воскресную школу, а затем свернули в боковую улочку, подальше от колдобин и ухабов. Дамы наперебой делились с Агатой новостями, но Делии было трудно уследить за беседой: они говорили слишком быстро, и предмет был ей незнаком. Она вновь стала озираться по сторонам. Жилые дома вскоре закончились, и слева показалось невысокое здание с обширной лужайкой перед входом, а справа – группа темно-серых базальтовых построек, отороченных желтым камнем, словно платье – тесьмой.

«Что это?», – спросила она, дождавшись паузы в разговоре.

Дамы охотно рассказали ей, что первое – это методистский⁶ колледж, а рядом школа для слепых. «А вон там, – добавила Агата, показав на островерхую башенку, что торчала над кронами деревьев, – там мы учились, все втроем».

Тем временем вагонетка свернула направо и катила теперь по широкому, в три ряда, элегантному бульвару. Они уже ехали здесь позавчера, мимо молодых деревьев и клумб, которыми разделялись дорожные полосы, но много ли успела она рассмотреть, измученная качкой, через задник извозчичьего фургона? Теперь же, боясь пропустить интересное, Делия тянула шею, выхватывая взглядом то богатый фасад, то вывеску отеля. Город надвигался темной глыбой, подпирая небосвод исполинскими домами и шпилями церквей. Заводские трубы не дымили, воздух был прозрачен и полон тишины – совсем не так, как в день ее приезда, когда все вокруг гудело и грохотало. Впереди, за мостом, высилась необычная конструкция из четырех тонких опор, державших циферблат, а через дорогу от нее – громадное, в целый квартал длиною, здание вокзала. Один этот вокзал превосходил по размеру все, что Делия видела прежде: и лонсестонскую мэрию, и дом парламента в Хобарте. А как иначе, думала она, запрокинув голову; ведь это столица! Тут – все самое интересное. Галереи, театры, магазины – во множестве. Настоящая, яркая жизнь.

К ее огорчению, они не стали углубляться в Сити, а повернули на первой же улице, перед массивным безголовым собором из светло-коричневого камня. Справа тянулись железнодорожные пути, а за ними поблескивала река, довольно широкая и казавшаяся даже сейчас,

⁵ Вагонетка – здесь: простой открытый экипаж, обычно с двумя лавками вдоль бортов и сиденьем для возницы. Иногда оснащалась плоской крышей-навесом.

⁶ Методизм – протестанская церковь, отколовшаяся от англиканской в XVIII веке. Для последователей методизма свойственно, в частности, отказываться от алкоголя и вообще избегать излишеств.

ясным утром, не голубой, а бурой. «Я не знаю, почему она такая, – отмахнулась Агата. – Грязная, должно быть».

Проехав несколько кварталов, вагонетка остановилась у двухэтажного дома со стрельчатыми окнами. На церковь он походил мало, лишь над фронтоном, отделанным в шахматную клетку, виднелся крест. Дождавшись, пока их возница привяжет лошадь, они все вместе вошли в дом и поднялись на второй этаж. «Общество глухих штата Виктория» – успела прочесть Делия на табличке, прибитой к двери; и потом еще указатели: «Библиотека», «Зал собраний». Туда, в зал собраний, они, судя по всему, и пришли. Он был просторным, хотя и уступал немного их приходской церкви в Лонсестоне. На маленькой сцене помещалась кафедра и рядом с ней – алтарь. Вместо скамей тут были составленные рядами простые стулья. Народу оказалось довольно много. Кто-то сидел неподвижно, погруженный в себя, другие общались – беззвучно, нарушая тишину только скрипом стульев да покашливанием. Агату быстро заметили знакомые; то один, то другой стал оборачиваться к ней, чтобы поприветствовать. В их глазах читалось сочувствие, но она отвечала им спокойной улыбкой.

На сцене появился священник средних лет в литургическом облачении, а за ним – седоватый джентльмен в старомодном черном сюртуке. Все встали.

– Господь всеблагой, – услышала Делия и вздрогнула, до того привычным стало ей за эти дни безмолвие.

Руки переводчика ожили, взметнулись – он был теперь похож на дирижера. После краткого вступления запели гимн. Ни органа, ни пианино здесь не было, и голос священника, звучный и ясный, одиноко летел с кафедры в неслышащий зал. Делия смешалась: она не знала, петь ли ей вслух или присоединиться к остальным, чьи руки слаженно и четко выводили слова гимна. Она чувствовала себя так, словно попала на молитву в китайский храм, до того странным казалось все вокруг. Дома все было иначе: запрягали пару гнедых в ландо, которым очень гордилась миссис Фоссетт, спускались с холма в город, и там, в любимой своей приходской церкви, она на час забывала обо всем – растворялась, уносилась куда-то. Большой орган, стоявший в галерее, звучал торжественно и строго, наполняя сердце покоем. Теперь же, лишенная знакомых стен, она утратила способность чувствовать и лишь нелепо разевала рот, словно рыба, выброшенная на берег.

После гимна прихожане сели, и служба продолжилась, как заведено – новости, чтения, псалмы – но Делия все никак не могла сосредоточиться. Вместо того, чтобы слушать, она водила глазами вокруг, выхватывая цветные пятна на белой стене: зеленую сутану священника, алые цветы в вазах по краям сцены, пурпурное покрывало на алтаре. Это успокаивало ее, но мысли отчего-то занимало только одно: какой будет ее новая жизнь? Найдет ли она людей, с которыми можно поговорить по-настоящему? Услышит ли ее кто-нибудь здесь, в огромном чужом городе?

К причастию она подошла со стыдом в душе. Ей чудилось, будто священник знает о том, что она не слушала проповеди; но он не отметил ее, ни взглядом, ни жестом не выделил из вереницы остальных прихожан. Может, она и правда станет здесь своей – со временем.

Расходиться не спешили. У выхода из зала Агату окружили знакомые, и было видно, как она рада с ними пообщаться, особенно сейчас, когда невозможны визиты и развлечения. Какая она все-таки хорошенькая, подумала Делия; ее даже траур не портит. Все то же мягкое сияние в глазах; а когда, задумавшись, опускает ресницы – это так красиво, что перехватывает дыхание.

«...моя сестра», – разобрала она обрывок реплики, и тут же Агата заозиралась, замаячила ей: «Иди же к нам». Все внимание переключилось на Делию, и она оробела. От волнения ей трудно было разобрать все имена, которые называли, представляясь, прихожане, и она лишь с улыбкой кивала всем. Это были, главным образом, дамы Агатиного возраста и старше,

хотя во время службы Делия заметила нескольких своих ровесниц. Наверное, с ними можно было бы подружиться, но они держались вместе, стайкой, и она не решилась к ним подойти.

Агата показала ей здание. На первом этаже, рядом с библиотекой, находилась игровая комната, где любила собираться молодежь. Была здесь своя типография, печатавшая «Ежемесячный листок»; устраивались лекции и чаи, спортивные состязания – одним словом, жизнь кипела. До недавнего времени и они с мужем регулярно приезжали сюда... На лицо Агаты набежала тень, и она опустила руки. Что теперь об этом говорить?

«Подожди, – Делия тронула сестру за локоть, когда та повернулась, чтобы идти к выходу. – У вас такая дружная община. Почему ты не попросишь помощи?»

Та слегка нахмурилась; осмотревшись вокруг – нет ли любопытных глаз – сказала:

«Какой помощи? Денег?»

Путаясь и чуть конфузясь от ее строгого взгляда, Делия напомнила о благотворительном доме, который Общество построило совсем недавно. «Ты ведь сама писала о нем в письме».

«Это для стариков и больных, – прервала ее Агата. – А таким, как мы, стыдно просить».

Наверное, она знает лучше, думала Делия, следуя за сестрой к выходу. Никакими планами та не делилась, но ее уверенность действовала ободряюще. Они не пропадут. Не должны пропасть.

Ехать домой было не очень приятно: солнце припекало вовсю, а мухи и пыль не добавляли радости. Всю дорогу Делия мечтала только о тени и холодной воде. Когда наконец прибыли, она снова обтерлась губкой и сменила платье. Сразу стало полегче. Но отдохнуть по-настоящему она не посмела: Агата, едва переодевшись, начала готовить воскресный обед, и ей было стыдно сидеть сложа руки.

«Давай я помогу», – сказала Делия, заглянув на кухню, где уже шкворчало масло, и от плиты тянуло жаром.

«Я справлюсь сама».

Она, однако же, не сдавалась и принялась выпрашивать хоть какой мелкой работы, лишь бы чувствовать себя нужной. Тави играет одна, не хочет слушать книжки – говорит, что ей сегодня уже много читали. Может, какую пуговицу нужно пришить?

«Но ведь нынче воскресенье, – сказала Агата. Потом, вспомнив, очевидно, о скором переезде, добавила: – Если только сложить вещи мистера Клиффорда в ящик...»

Делия горячо подхватила эту идею, и сестра, улыбнувшись, ответила ей благодарным жестом. Она редко его использовала – он напоминал обычное «спасибо», но делался обеими руками. Делия старалась переводить знаки в слова, если они имели для нее особое значение, и озвучивать их в уме, открывая новые оттенки смысла.

«Я так признательна тебе за помощь, – мысленно приговаривала она на все лады, снимая книги с полок и вытирая с них пыль. – Ты молодец. Это так здорово, что ты приехала! Нам хорошо вместе. Я очень люблю тебя».

Разномастные томики из библиотеки мистера Клиффорда – педагогика да немножко технических – один за другим перекочевывали в ящик, и собственные руки казались Делии ловкими и быстрыми, и хотелось свернуть горы, чтобы не разочаровать человека, так щедро похвалившего тебя. Так бывало в детстве, когда она правильно отвечала на хитрый вопрос Адриана, и он восклицал: «Точно! Ну и память же у тебя!» А она и сама не знала, почему ей так легко давалось все, что он рассказывал. Теплый тенорок, то и дело украшавшийся переливами заразительного смеха, вливался в ее голову, как морская волна; схлынет волна – а знания остаются лежать, как сокровища, принесенные прибоем. Она с тихой радостью носила в себе эти сокровища и редко кому их показывала; честно говоря, показывать было особо некому: отец считал их бесполезными и даже нездоровыми для девочки, остальным и вовсе не было дела.

Адриан однажды сказал ей: «Ты вырастешь умной женщиной». Как удивительно это прозвучало! «Умный» в сознании Делии всегда связывалось с мужчинами и виделось ослепи-

тельным нимбом над их головами. Мужчины делали открытия, изобретали машины, творили «настоящую», как говорил отец, литературу. А женщинам предназначалось быть хранительницами домашнего очага и верными, любящими спутницами мужей. Об этом твердили нянюшка и мисс Шульце, об этом писалось в книжках, по которым она училась, – во всех, какую ни возьми: география ли, история, французский. И вдруг – эта фраза, серьезный взгляд и большая теплая ладонь на затылке. Её Адриан, умный и талантливый, пообещал, что когда-нибудь Делия сможет приблизиться к нему. Разве мог он сказать неправду? Конечно, она поверила в эти слова; и уже потом, когда не стало больше рук, готовых дружески потрепать ее по щеке, она придумала себе новое имя и вышила его на платочке. Как будто совершила магический ритуал. По правде говоря, вышивание – не особо интересное занятие, хотя и считается лучшим видом искусства для женщины. Самые затейливые узоры остаются холодными, в отличие, например, от стихов. И там, и там есть рисунок, ритм, мотив; но может ли вышивка сказать так много, как слова?

Делии стало радостно и невесомо, будто ее наполнили горячим воздухом, как дирижабль. Ах, если бы можно было всегда жить с этим чувством! Сделаться раз и навсегда другою. Но сколько бы она ни думала, ни мечтала об этом, ничего не менялось в ней. Оставались только воспоминания, да вышитый платочек, да лицо на фотографии, в котором – если очень приглядеться – можно увидеть ее собственные черты.

3. Свонстон-стрит

Он вышел из-под высокой витражной арки вокзала и привычно поднес к лицу ладонь: солнце било прямо в глаза. Перекресток бурлил у подножья лестницы – самый оживленный перекресток в Австралии, если верить газетчикам. Автомобили, трамваи, фургоны, ломовые телеги, груженные мешками и бочками – все это беспрестанно двигалось, обтекая с двух сторон каменную глыбу собора, а стоило хоть на миг возникнуть пустоте, как ее тут же заполняли пешеходы. Будь ты хоть трижды убаюкан перестуком колес своего пригородного поезда, один этот вид разгонял кровь не хуже чашки крепкого чая. Какое утро, подумал Джеффри, покупая свежий номер «Эйдж» у одного из мальчишек-близнецов, которые стояли по обе стороны лестницы, как два одинаковых мраморных льва. Воздух хранил остатки воскресной чистоты, хотя на левом берегу реки уже всю дымили трубы. Хорошее время – утро понедельника, ясное, теплое, еще не разгоревшееся в душливый день.

Какую дорогу выбрать сегодня? – спросил он себя, пересекая улицу вместе со спешащей толпой. Пожалуй, так: сначала прямо, в сторону торговых многоэтажек, выпятивших над тротуаром козырьки веранд, а затем свернуть перед мэрией – туда, где Коллинз-стрит перестает быть модным променадом. Витрины сменяются зеленью платанов, и улица, тихая и респектабельная, взбирается к Казначейству, поблескивая медными табличками на дверях дантистов. Две церкви на углу отмечают следующий поворот: Шотландская, длинная и острая, как свежезаточенный карандаш, и Независимая, похожая на нарядно отделанную пожарную каланчу. А оттуда уже рукой подать до их собственного угла, который за тридцать с лишним лет стал таким привычным для горожан, что его звали не иначе как Вейров угол.

Когдаходишь к нему, как сейчас, со стороны Расселл-стрит, то сразу замечаешь, как чужеродно смотрится трехэтажный, французского стиля дом со сводчатыми окнами посреди неказистой, сонной улицы. Кому бы пришло в голову открывать здесь ювелирный магазин? Их место – на Коллинз, на Литл-Бурк; так издавна повелось, хотя какое «издавна» может быть в Мельбурне? Но отца это никогда не смущало, и Джеффри привык не смущаться тоже, хоть и испытывал всякий раз неудовольствие, натываясь глазом на мешанину стилей. Он так и не понял, действительно ли отец всё точно рассчитал или это была случайная глупость, обернувшаяся удачей. Отец любил говорить, что на Коллинз за украшениями ходят богачки да актеры, у которых сегодня на уме бриллианты, а завтра автомобили. А сюда, на Бурк-стрит, стекались люди всех сословий, богатые и бедные. Они пили пиво, веселились и, размягченные душой, заскакивали в ювелирный магазин, чтобы купить недорогое колечко жене – просто так. С тех пор же, как на этом углу открылся дамский туалет, количество посетительниц взлетело до небес. Предвидел ли это отец в далеком семьдесят седьмом?

В окне второго этажа мелькнула коренастая фигура управляющего, который всегда приходил раньше остальных, вместе со вторым продавцом. Собственно, у Джеффри не было нужды появляться здесь так рано. Любую часть рабочего дня он мог пропустить, если того требовали его личные дела. Но сегодня был последний понедельник месяца – день, когда менялась выкладка в витрине.

– Привет, Фредди, – бросил он помощнику, войдя в магазин.

– Доброе утро, сэр.

Покупатели редко заглядывали к ним в такой час. Мозаичный пол сиял чистотой, ни пылинки не было на высоких стеклянных шкафах, где покоились, оттененные черным бархатом, ожерелья и перстни. Джеффри оставил трость и шляпу в маленькой гардеробной и взялся за работу, которую не доверил бы больше никому.

Он начинал думать об этом заранее: в пятницу, отправляясь на обед, делал крюк, чтобы посмотреть чужие витрины; прикидывал в уме, что куда ляжет, ловил вдохновение в разодетой

толпе. Но приступая в понедельник к работе, он не знал, каким окажется результат. Это всегда была импровизация.

Сладко-розовый прозрачный турмалин, оправленный в перстень из белого золота. Немного жемчуга. Лунный камень в серебре. Аметист лег бы сюда идеально, но нельзя: тут самый солнечный угол на перекрестке. Значит, голубой сапфир. И опалы, конечно, – к черту королеву с ее суевериями. Роскошные черные опалы, чье малиновое сияние идеально срифмуется с цветом турмалина. И белых – россыпью. Не нужно бриллиантов, золота: пусть глаз цепляется за другое, безотчетно схватывая игру оттенков; а потом, когда внимание завоевано, пусть видит линии, формы. Что у нас было лучшего за последнюю пару недель? Разумеется, то, что сделано по эскизам Ванессы. Вот эта брошь; вот это кольцо.

Он вышел на улицу, чтобы оценить витрину целиком, и остался доволен. Что-то, а уж витрины у них всегда выделялись на фоне других, одинаковых, как близнецы. Да и сам магазин, оформленный на французский манер – с зеркалами и бархатными портьерами – привлекал тех, кому по душе была элегантность Старого Света.

Теперь можно было подняться в мастерские. Рабочий день уже начался: за дверью почтовой конторы звонил телефон, в соседних комнатах визжали шлифовальные станки и пахло горячим припоем.

По лестнице затопали грузные шаги, и появился мастер-переплавщик.

– Привет, – сказал Джеффри. – А я как раз шел к тебе. Сегодня Ванессы не будет, и завтра тоже, так что не зажигай ее печь.

Мастер – рослый, даже чуть выше него самого, с длинными, как у гориллы, руками – недовольно дернул краем рта. На лице его ясно читалось: «Могли бы и раньше предупредить», – но, коротко взглянув на Джеффри, он не стал перечить.

Оставалось заглянуть с тем же известием к управляющему. Он отыскался на одном из складов третьего этажа, где был занят тем, что взвешивал лист золота для штамповщицы. Та терпеливо ждала поодаль, склонив хорошенькую, волнами завитую головку.

– Не придет? – озабоченно повторил управляющий, когда мастерица, получив лист, ушла. – Захворала, что ли?

– Да нет, ничего серьезного. Тетка увезла ее в Дейлсфорд⁷, на воды, только и всего.

Покончив с утренними делами, он вернулся в магазин. Там уже стоял посетитель, и Фредди показывал ему недорогие кольца. Дело он знал, даром что выглядел безобидным увальнем, так что можно было не вмешиваться. Однако скучать не пришлось: колокольчик над дверью тренькнул, и вошли две дамы. Одна, совсем еще юная, но решительно неинтересная, была одета в старомодное черное платье с рукавами-буфами, что придавало ей унылый и безнадежно провинциальный вид. На другой, к его немалому удивлению, был глубокий траур, сшитый хорошо и со вкусом. Джеффри поздоровался – учтиво, но более сдержанно, чем обычно приветствовал дам. Девушка с буфами ответила: «Доброе утро». Ее спутница промолчала. Подняла густую креповую вуаль.

Два тигровых глаза⁸ – больших, светло-коричневых, с дивным муаровым блеском – посмотрели на него в упор и тут же опустились, будто на окне задернули шторы. Было ей от силы лет двадцать пять, и была она похожа на театральную див с открыток. Маленький рот с губами, изогнутыми в форме лука. Смелые росчерки темных бровей на белоснежном матовом лбу.

Идеальная работа.

– Чем могу быть полезен? – спросил Джеффри.

– Мы хотели бы заложить брошь, – сказала младшая.

⁷ Дейлсфорд – популярный курортный город с минеральными источниками в ста километрах от Мельбурна.

⁸ Тигровый глаз – полудрагоценный камень, разновидность кварца.

Он привычно отмерил необходимую порцию удивления.

– Осмелюсь напомнить, что это ювелирный магазин. Быть может, вам нужен ломбард? Невзрачное лицо ее стало почти испуганным.

– Прошу прощения, но нам сказали...

– Кто? – поинтересовался Джеффри, осторожно, чтобы не спугнуть.

Удовлетворившись названным именем, он кивнул.

– Я могу посмотреть вещь и оценить ее. Если она мне понравится, я ее возьму. Обычно я плачу больше, чем в ломбардах, но срок выкупа меньше. Вам решать.

Траурная красавица хранила молчание, словно все происходящее ее не касалось. Девушка с буфами достала из сумочки футляр, в котором лежала массивная золотая брошь: две перекрещенные лопаты в обрамлении из ленты с надписью *Сооee*⁹. По банальности с этим сюжетом могли поспорить разве что бесконечные гербы Федерации, но в комплекте с парой великолепных тигровых глаз эту безделицу стоило взять.

Он осмотрел брошь, взвесил ее и назвал цену. Младшая девушка повернулась к спутнице и сделала несколько быстрых жестов.

Проклятье! Впервые в жизни подсунили фальшивку. *Глухонемая* красавица – есть ли на свете что-то более нелепое? Чудовищно нелепое. Противоестественное. Однако отступить было уже поздно.

Она сжала кулаки, выставив большие пальцы, и резко свела их вместе, так что стукнули костяшки.

– Мы согласны.

Джеффри выписал чек и протянул им. Взяла старшая. Кивнула в знак благодарности.

– Не забудьте же, – предупредил он, – три недели.

Когда за ними закрылась дверь, он спрятал брошь в футляр и отнес в сейф, в котором держал заклады. Насвистывая, вернулся за прилавок; окликнул помощника:

– Ну как, купил он что-нибудь?

– Да, сэр, – ответил тот, сияя. – Сперва хотел что подешевле, но я уломал его на перстенок с топазом.

– Отлично, Фредди, отлично!

День катился, набирая обороты; посетителей становилось все больше – в основном домохозяйки, приезжавшие на Восточный рынок, соседство с которым было для их магазина удачным, хоть и немного сомнительным. Чуть позже стали появляться туристы, охотно покупавшие недорогие сувениры с патриотической символикой. Однако, как ни был он занят, глухая красавица не шла у него из головы. Она вернется, пытался он себя урезонить, чувствуя, между тем, подступающий азарт. Глубокий траур – вдова, скорее всего; закладывает нехитрые семейные реликвии, да еще озабочена тем, чтобы за них дали на шиллинг больше. Вдова, глухая, едва ли может работать – не из служанок, судя по одежде. Конечно, она вернется.

Время уже перевалило за полдень, когда в магазин протиснулся бочком незнакомый джентльмен средних лет. Подошел к прилавку, чуть конфузясь; близоруко повел глазами вокруг.

– Могу ли я видеть мистера Вейра?

– К вашим услугам, – ответил Джеффри.

– Нет, простите. Я ищу...

– Моего отца, должно быть?

Тот, спасенный, кивнул. Как заяц, подумал Джеффри с неодобрением.

– Сожалею, но он в отъезде. Могу я что-нибудь передать?

⁹ Сооee (читается «Куи») – заимствованный у аборигенов и широко распространенный среди белого населения Австралии клич для поисков потерявшихся в буше, аналог русскому «Ау». Часто используется в качестве названий.

– Да, конечно, – заволновался визитер и полез в карман жилета. – Вот...

Он положил на прилавок небольшой предмет, завернутый в носовой платок. Это были мужские часы. Золотой корпус с тисненым орнаментом; судя по толщине цепи и качеству золота – местная работа. Сделаны не вчера, хотя наверняка возраст трудно определить: им может быть как десять лет, так и пятьдесят. Вряд ли больше.

– Передайте ему... Он должен знать.

Джеффри кивнул.

– Да, и еще... Не подскажите, где тут у вас туристическое бюро?

– Охотно. Сейчас направо до первого большого перекрестка, там опять направо до мэрии и через дорогу. Не ошибетесь.

Не без облегчения спровадив гонца (чем-то тягостным веяло от него, и это «что-то» было сейчас совсем некстати), Джеффри надел шляпу и вышел на улицу. Летний день был в разгаре, переполненные трамваи катили один за другим. Он подумал о сестре. Какая там сейчас погода, в Дейлсфорде? Приятная, должно быть; в самый раз для отдыха. Он пересек улицу и замедлил шаг перед белым фасадом кафе «Кристалл». Ванесса любила обедать здесь, рядом с магазином, чтобы не тратить лишнего времени; но ведь сегодня ему необязательно идти именно сюда. Разве мало хороших мест, хранящих особенный (парижский, мог бы он сказать, если бы хоть раз был в Париже) дух? Да и просто прогуляться – чем не повод? Заглянуть в Квартал¹⁰, где фланируют модницы, исподтишка разглядывая друг друга. Приезжие из Лондона морщат нос и упрекают местных в отсутствии вкуса; но это всего лишь повод, чтобы осадить выскочек. Мало кому нравится думать, что на задворках Империи есть место, которое вчера было скопищем деревянных хибар, а сегодня – вот вам, пожалуйста: «Королева юга», «Великолепный Мельбурн». Роскошные здания, французские бульвары – какой город Федерации может похвастаться подобным? Чем ответят сиднейцы? Их только и хватает на то, чтобы строчить завистливые пасквили в своем «Бюллетене».

Легконогий Меркурий парил над крышей редакции «Эйдж» – воплощенная метафора Мельбурна: молодого, современного и полного сил. Проходя мимо одной из витрин, Джеффри кинул в нее беглый взгляд и, отразившись, весело подмигнул себе.

Этот город, ладно скроенный Ходдлом¹¹ и сшитый теми, кто не считал денег, сидел на нем, как влитой.

¹⁰ Квартал (The Block) – центральная часть Коллинз-стрит. В описываемое время был самым модным променадом в городе, и «прогулки по Кварталу» (Doing the Block) относились к числу важнейших социальных ритуалов.

¹¹ Роберт Ходдл (1794—1881) – английский топограф, автор плана городской застройки в центре Мельбурна.

4. Праран

«Рыба, рыба!» – две тягучие ноты, вверх и вниз, раздавались по улице. Носильщик был китайцем, и слово выходило у него смешно. Низенький, с коричневым сморщенным лицом и раздвоенной, точно русалочий хвост, бородкой, он вызывал одновременно и любопытство, и недоверие. Последнее Делия едва ли могла сама для себя объяснить, но все-таки втайне радовалась, что не нужно подходить к нему: рыбу Агата привыкла брать на рынке, у одной и той же торговки, и привычкам изменять не любила. Мясник, булочник и молочник доставляли на дом; зеленщик тоже, но зеленщика Агата подозревала в недобросовестности, а на рынке знала место, где фрукты всегда свежее, чем у других. Делия и не думала прежде, что сестра может быть такой. Погруженная в бесконечное шитье в родительском доме, здесь она без устали сновала по комнатам, то прибираясь, то стряпая, и все дела у нее спорились. Один момент засел в памяти особенно; Делия тогда заглянула на кухню, что-то спросить. Агата разделяла мясо – точными, сильными движениями; руки ее были в крови. Нож стучал по доске, уверенно и весомо, и легко сдавалась под этим натиском алая плоть («Запомни: хорошее мясо должно быть именно такого цвета. Если оно бледно-розовое – животное болело, если темно-лиловое – умерло с кровью внутри»). Именно тогда, а не на пристани, Делия увидела, как изменилась сестра, какой целительной оказалась для нее вольная жизнь. Роль хозяйки дома была ей на редкость к лицу, и это подтверждало много раз обдуманное: только замужним доступна полнота жизни, только свобода дает счастье. Ей самой, правда, тоже перепал кусочек этой свободы, но незаслуженность, «ненастоящность» подарка снижало его ценность. При каждом беглом взгляде на улице ей мерещилось, будто все знают о том, что она не замужем и одна слоняется по городу. Поэтому оживленные кварталы она миновала почти бегом, не замечая ни движения вокруг, ни витрин, только «Рыба, рыба!» – неслось издалека, но вот уже и оно стихло, и объяли ее звуки и запахи большого рынка.

Сколько здесь всего! Живые куры трясут бородками, вылупив бессмысленные желтые глаза. Копшатся в клетках утята. В цветочных рядах пахнет райским садом, а в зеленых громоздятся пирамиды из ананасов, будто выстроенные для какого-то невиданного культа, и яблоки светятся изнутри, как китайские фонарики. Рядом лежат огромные грозди бананов – хочется носом в них зарыться, до того восхитителен запах. Но вместо этого натягиваешь, как костюм, Агатинову деловитость, и выбираешь, шупаешь – прозаическую репу и морковь, пучок петрушки, несколько персиков; придирчиво смотришь на весы, готовая, если надо, решительным голосом восстать. Торговка критически осматривает ее в ответ – должно быть, плохо сидит уверенность с чужого плеча – однако же отпускает с миром. За содержимое корзинки не придется краснеть, и можно с воодушевлением идти дальше. Полдюжины яиц; серебристый лец с брезгливо-высокомерным выражением на морде («Смотри, чтобы глаза были яркими и выпуклыми», – твердила Агата, снаряжая сестру, а ей хотелось прыснуть, до того эти физиономии напоминали их лонсестонского соседа, вечно оттопыривавшего губу). Шум стоит такой, что приходится почти кричать. Толстые влажные пальцы, перепачканные чешуей, ловко слизывают монету с ее ладони, и теперь впереди – неблизкий путь домой, пока еще новый и оттого не очень утомительный.

На Чапел-стрит стоял трамвай – «красный», тот самый, на который Агата наказывала не садиться, когда едешь из Сити. Удобно, что маршруты различаются по цветам табличек – не заблудишься. Да и просто приятно на них смотреть: такие яркие, и рекламы на их боках меньше, чем в Хобарте, где едва ли не каждый трамвай призывал покупать пиво «Каскад». В погожий день, должно быть, приятно ездить в открытом вагоне, где обдувает ветерок; но Агата говорит, что девушки не должны туда садиться.

Водитель, завидев ее с тяжелой корзинкой, помахал рукой – мол, подождет, но она, улыбувшись, показала, что ей в другую сторону, и зашагала, все еще облаченная в Агатино энергичность, будто ничего не весила объемистая корзина. А она весила, и ныли – с самого понедельника! – плечи и руки после стирки. Как сестра справлялась бы одна? Уму непостижимо!

День обещал быть приятным: после череды дождей стало прохладней, но не настолько, чтобы мерзнуть всерьез. Белоснежное кружево выстилало небо, и чем ближе к бульвару, тем сильнее пахло морем. За несколько кварталов до дома Делия остановилась передохнуть. Понюхала цветы, свисавшие из чьего-то палисадника; послушала, как черно-белая ворона выводит теплым альтом свою сложную, с трелями и руладами, арию – чуть манерно, как истинная примадонна, вытягивая шейку. В пустынных переулках свобода уже не тяготила, и хотелось просто так бродить, заглядывая украдкой в чужие жизни – у кого во дворе стоит коляска со спящим младенцем, кто читает, сидя на веранде, из чьих окон доносится призывный стук тарелок... Это напомнило ей, что от завтрака прошло уже немало времени, и пора идти, тем более что дел сегодня невпроворот.

Тенистая, усаженная вязами улочка, где они теперь жили, нравилась Делии больше, чем сам дом. У него было одно главное достоинство – скромные размеры: куда проще вымыть пол в трех комнатах, чем, к примеру, в пяти. А ведь совсем недавно она и не задумывалась, как существует дом! Он жил как будто сам по себе, их дом в Лонсестоне; тикали часы, что-то носилось из конца в конец, мылось, чистилось, накрывалось. Шуршали крахмальные фарточки служанок. Топали пациенты вниз, и их тревожный, неразборчивый полусшепот-полусшелест поднимался к ней, свесившейся через перила, как дым от сожженных листьев. Дом был похож на корабль, плывущий на другой конец света, в Европу: пассажир знает, что где-то под палубами крутятся сложные машины, кочегары бросают уголь в топку, кок готовит обед, и Бог знает что еще происходит там; но пассажиру ничего не остается, кроме как празднично довериться судну и коротать время в нехитрых занятиях. И вот она готовила пудинги и желе, играла этюды Черни, а по вечерам вышивала, когда вся семья собиралась в гостиной. Отец читал газеты и медицинские журналы, вслух возмущаясь, когда ему что-то в них не нравилось. Миссис Фоссетт, если не была *особенно* нездорова в этот день, проверяла уроки у младших детей, и мисс Шульце вся каменела, шла красными пятнами и поджимала губы, будто собиралась дать отпор всякому, кто станет ее бранить. Она была худой и востроносой, выглядела старше своих тридцати лет и, как никто, умела сделать любое интересное занятие скучным до зубной боли. Даже голос у нее был резким и неприятным, особенно когда она чуть повышала его, читая условие задачи. Немку взяли, когда Делии было двенадцать; прежде ею занималась няня да приходящая учительница музыки и французского. И, конечно, Адриан! Он хоть и редко бывал дома, но старался, приезжая на каникулы, повозиться с ней: то учил складывать фигурки из бумаги и решать веселые задачки, то показывал на глобусе экзотические города – от одних названий захватывало дух; и чем длиннее, чем непонятнее было название, тем сильнее хотелось его запомнить и потом выуживать из памяти, повторяя нараспев: Вишакхапатнам, Агуаскальентес, Шуангьяшань...

– Ты принесла мне яблоко? – Тави потянула ее за юбку.

– Конечно, самое большое и красивое. Только погоди, я отнесу все это на кухню.

– Я помогу!

Пыхтя, она ухватилась за ручку корзины, и Делия не смогла сдержать улыбки. Слава Богу, ребенок наконец-то ожил. Первые несколько дней Тави почти не говорила, а потом ее словно прорвало. Нелегко, наверное, расти, когда оба родителя глухие; оставалась разве что служанка, но где ей было найти время, чтобы отвечать на детские вопросы? Покойный мистер Клиффорд старался сам учить дочку устной речи, как учил своих подопечных в школе, но чаще в семье общались жестами. Теперь вот Тави болтает на двух языках одновременно – если, конечно, у нее не заняты руки, как сейчас. Пока они все вместе разбирали покупки, пока накрывали

стол к ланчу, девочка щебетала без умолку – то рассказывала, какого страшного паука они с мамой видели недавно в чулане, то задавала дюжину вопросов сразу. Можно ли им взять в дом котенка, ну хоть вот такого малюсенького? Почему у новой соседки белые волосы? Нравится ли лошадям возить телеги? Только за едой она наконец поутихла. Они сидели тесным кружком в комнате, служившей им и гостиной, и столовой, и Делия не могла бы придумать общества приятней. Дома никогда так не было. Трапезы проходили угрюмо: отец часто раздражался из-за еды, и давила жутковатая пустота кресла напротив. К некоторым вещам определенно нельзя привыкнуть даже за много лет.

После ланча Агата занялась посудой, а Делия уселась чинить одежду. Ей нравилось предугадывать еще не высказанные поручения и ловить их, являя вместе с сестрой пример редкого взаимопонимания. Это давало чувство вселенской устойчивости – еще одно открытие, сделанное Делией здесь.

– Я смогу надеть это платье на прогулку? – спросила Тави, глядя на волны розового муслина в руках у Делии.

– Нет, милая, не сейчас. Расскажи лучше, как ты умудрилась проделать в нем такую дырку?

– Там был гвоздь, – простодушно созналась девочка и упрямо вернула разговор в прежнее русло. – Почему я не могу его надеть?

– А разве тебе не нравятся другие твои платья?

– Но они все белые...

Делия вздохнула.

– Ну, что поделаться... Ты ведь видишь, у мамы и у меня все платья черные, а нам тоже хотелось бы носить желтое или розовое.

– Если мы долго не будем носить цветное, папа вернется?

Ох, только не это снова... У Делии сердце щемило, когда Тави задавала такие вопросы. Первое время, Агата рассказывала, дочка часто плакала, будто в самом деле понимала, что произошло. А потом начала спрашивать как ни в чем не бывало: когда он вернется? Просится в зоосад, на детский праздник; а куда ее отведешь? Ведь едва минул месяц...

Хлопок в ладоши заставил их обеих повернуть головы. Агата показала на часы, а потом быстрым жестом соединила два пальца у левой стороны груди.

Конечно. Брошь. Как она могла забыть? Не самое приятное дело, но за окном такая дивная погода, такие облака, и морем пахнет – помнишь ведь? – уговаривала она себя, собираясь, надевая перчатки и шляпку; куда она задевала зонтик от солнца? Ах да, вот он. Большой город уже не пугал: главное – выучить названия нужных улиц, а водитель в трамвае всегда подскажет дорогу. У кондукторов Делия спрашивать не решалась: это обычно были совсем мальчишки, младше нее; они перекрикивались друг с другом, свисая с подножек, и задиристо свистели, засунув пальцы в рот.

Выйти на перекрестке с Бурк-стрит и потом один квартал в сторону Парламента – это она запомнила накрепко. По этой улице тоже ходил трамвай, но зачем ждать, когда можно прогуляться?

Перед самыми дверями магазина она вновь оробела. Агата дала ей непростое поручение, которое сподручно было бы человеку твердому и умеющему убеждать других. Но как же быть, если сейчас она – единственная, кто может улаживать дела?..

Делия набрала в грудь воздуха, насколько позволял корсет, и толкнула дверь. Внутри все было так же, как в первый раз: просторный светлый зал, россыпи сияющих украшений в витринах; за прилавком – высокий худощавый джентльмен лет, наверное, около тридцати, рыжий, как лисица, с аккуратными усами и тонкими чертами лица. Вывеска магазина гласила «Вейр и сыновья: ювелиры, часовщики и оптики», так что, верно, это и был один из мистеров Вей-

ров. Совсем не сурового вида – напротив, очень приветлив, но кто знает, что у него на уме... Господи, хоть бы сердце не колотилось так громко!

Сбиваясь и краснея, она напонила про заклад, сроку которого оставалась неделя. Нельзя ли отложить еще хотя бы еще на несколько дней?..

– Но, милая барышня, ведь я предупредил вас: три недели.

– Пожалуйста, сэръ! – взмолилась она, сцепив от волнения руки.

Ювелир помедлил.

– Что, эта вещь очень важна для вас?

– Да, – почти прошептала Делия. – Сестра получила её на свадьбу от покойного мужа, а ему она перешла от отца. Ей больше полувека – уже фамильная ценность...

Он нахмурился, сухо попросил ее обождать и скрылся за дверью. Вернулся с коробочкой, достал брошь.

– Ваша?

Делия кивнула.

– Тогда вынужден разочаровать: этой вещи едва ли может быть пятьдесят лет.

– Почему? – выдохнула она, похолодев.

– Очень просто: такие надписи в виде полукруглой ленты – видите? – делались исключительно в Западной Австралии. А там, как вы, наверное, знаете, золото нашли только в начале девяностых. То есть броши этой может быть от силы лет пятнадцать, но не пятьдесят.

– Но как же так? – её охватила беспомощность и отчаяние. – Почему же он сказал, что ее сделали в Бендиго?..

– Ну, мало ли, какие у человека могут быть причины солгать.

К горлу подкатил комок, и, прежде чем она успела хоть что-то сделать, глаза набухли горячими слезами. Сгорая от стыда, Делия зажмурилась – хоть бы провалиться, исчезнуть! – и по щекам побежали предательские ручейки.

Господи, какой позор! Кто из них придумал эту историю – милейший ли мистер Клиффорд, заполучивший в жены юную красавицу, или его отец? И почему ей теперь приходится отвечать за их грех?

– Боже правый, да что вы! Вот возьмите, – ювелир протянул ей платок. – Какая, в самом деле, ерунда. Не стоит так переживать, да и дело уже прошлое.

Какой у него приятный голос, подумала вдруг Делия; почему она не заметила этого в прошлый раз? Теплый, певучий, со щекочущими обертонами в нижнем регистре. Хочется вот так просто слушать, закрыв глаза...

– Ну, полно вам, а то вдруг кто войдет. Распустят слухи на весь город, что у меня в магазине плачут девушки.

«У меня» – стало быть, в самом деле мистер Вейр. Он шутливо подмигнул ей – так по-мальчишески, что слезы вмиг высохли. Делия улыбнулась, смущенно и благодарно.

– Ну-с, так что нам с вами делать, мисс...

– Фоссетт, – с готовностью подсказала она.

– Вот как? – ювелир высоко вскинул брови, отчего на лбу его появились морщинки. –

А не приходится ли вам родственником некто Джеймс Фоссетт, архитектор?

– Увы, – Делия вновь смутилась.

– Какая жалость. Он, знаете ли, проектировал новый вокзал – ну, тот, что на Флиндерс-стрит.

– Я, признаться, совсем недавно в Мельбурне и еще не все улицы выучила...

– Так у вас всё впереди! Откуда приехали?

– Из Лонсестона.

Зачем же это я рассказываю о себе совершенно незнакомому человеку? – спохватилась Делия. Агата была бы очень недовольна, узнай она...

– Да, так что же нам, любезная мисс Фоссетт, делать с вашим драгоценным закладом? Точнее, – мистер Вейр склонил голову чуть набок и продолжил с оттенком укоризны в голосе, – с вашим нежеланием выполнять уговор?

Делия вновь поникла. Что-то подсказывало ей, что ювелир – не такой человек, который смешивает эмоции с делами, и даже если он искренне ей посочувствовал, это еще ничего не значит. Сердце сжало тягостное предчувствие: Агата будет совсем не рада, что ее непутевая сестра не смогла выполнить поручения.

– Никак нельзя отложить? – спросила она робко.

Лицо его внезапно стало очень серьезным.

– А что потом? Будете приходить каждую неделю и просить отложить еще?

– Нет, – прошептала Делия. – Пожалуйста, еще только на одну неделю...

Ювелир, помедлив, кивнул – скорее своим мыслям, чем ей.

– Прошу простить мне столь бестактный вопрос... Вы, наверное, очень нуждаетесь? Нет, не смущайтесь так. Я к тому, что, может, у вас тут есть родные, друзья, которые помогли бы вам? На одних закладах долго не протянешь.

– Родных нет... Но сестра шьет, – добавила Делия поспешно. – Будет брать заказы. Она большая мастерица.

– Ну что ж, славно. А появятся трудности – приходите ко мне, я помогу вам найти место. Вы ведь девушка современная, работать не боитесь? У меня есть приятельница, которая заведует барышнями на телефонной станции. Я с удовольствием вас порекомендую.

Он простился с ней как с хорошей знакомой, без всякой формальности, и на душе стало легко и солнечно. Миг – и уличный шум объял ее, торжествующую: со щитом она ехала домой, не с позором. Как упоительно было сказать себе: «Получилось!» – мысленно, раз уж ей не суждено было произнести этого вслух. Она выполнила поручение – и даже более того.

5. Кэмбервелл

Когда прошлое врывается в привычную жизнь, оно всегда застает тебя врасплох. Неважно, хорошее ли, дурное – чувствуешь себя ошарашенным, и все тут. Никто не держит свои двери открытыми для прошлого; наверное, это правильно. А сегодня оно пришло неожиданно-негаданно и протянуло ему руку. Ледяную. Мертвую.

В юности думаешь, что всё нерушимо и вечно, строишь планы играючи, клянешься быть другом до гроба. Потом жизнь, конечно, разводит: ты, как и прежде, в Мельбурне, закадычный приятель твой – в Брисбене. Видитесь все реже, у всех свои заботы. Последний раз встретились, дай Бог памяти, года три назад.

А теперь вот – часы.

Это была его гордость: еще бы – первые часы, которые он целиком сам сделал! Носился с ними, как с писаной торбой. Ночами просиживал в мастерской, прятался от отца: не хотелось советов да поучений. Сам, все сам! Молодой был, горячий. И ведь вышло! Несколько дней потом летал, ног под собой не чуя. Продавать часы никому не хотел: и жалко было, и противно, точно собаку свою продаешь. И только когда Стив сказал, что женится, – в груди тикнуло: оно! Подарить то, чем дорожил, что создавал любовно, на свадьбу давнему другу – лучшего и придумать нельзя.

Каждую пружинку, каждый винтик он помнил у первенца. Даже сейчас, через сорок, без малого, лет. Клейма он не поставил тогда: страх был какой-то глупый, суеверный. Это ведь все равно что для художника – подписать в уголке свою первую картину. Взять на себя ответственность за творение, не стыдиться сказать: да, это сделал я!

Он сам не стыдился, конечно. Просто боялся поверить, что это – уже не проба, не упражнение, а настоящая работа. Это теперь он – мастер. Вейр и сыновья. Большой магазин в Мельбурне и еще два – в Аделаиде и Лондоне. Работы высшего качества. Всё, за что ни брался – неважно, ошейник для призовой гончей или кольцо для жены губернатора – он делал так хорошо, как только мог. В двадцать семь лет получил вторую премию на Всемирной выставке. Левини из Каслмайна его тогда обошел; сейчас уже можно признать, что заслуженно.

И все же краснеть за свои работы ему никогда не приходилось, да-с! Не то что иные выскочки сегодня: сляпают наспех дрянную безделушку и выдают ее за произведение искусства где-нибудь на Чапел-стрит. А его клеймо, без ложной скромности надо признать, всегда было знаком высшего качества. Сначала он просто инициалы свои ставил – Эл Ви, это потом Джефффри придумал изображать колокольчик. Вычитал где-то толкование их фамилии. Вышло по-особому и со смыслом, а то ведь кого из местных ювелиров ни возьми – у всех или буквы-знаки, или кенгуру с кукабаррами. Джефффри молодец. Глаз хороший, твердая рука; жаль, мастером не стал. Но и в магазине он на своем месте: есть у него подход к людям.

Да, так что же? Стив... Его время истекло, значит. И старше-то был всего на два года – не старик совсем.

О смерти редко думаешь. Занят целыми днями – работа, заседания в гильдии, статьи для журналов. Но когда умирают ровесники, поневоле вспомнишь: а сам-то что, вечен? Пока еще тикают часики; отсчитывают дни и месяцы, отбивают события. А насколько хватит завода – один Бог знает. Не то чтобы это было страшно. Дети выросли, дело процветает; что умел сам – передал другим. И все же беспокойно на душе.

Да трусость ли это? Никогда он трусом не был! В самые черные дни, когда другие не выдерживали, он тащил всё на себе – упрямо, сжав зубы. Тогда, в девяностые, казалось, что наступает конец света. Всё один к одному: вначале Ярра вышла из берегов, а на окрестности налетела саранча. Потом пришла эпидемия кори и чуть не унесла их девочек. А на следующий год рухнули банки. Чувство было, как в детстве, в лихорадке: погасят лампу – и из углов

лезут жуткие тени. Поползли они по Мельбурну – горе, нищета, отчаянье. Многие уезжали, кто за границу, кто в Западную Австралию, где как раз нашли золото. Иные стрелялись и вешались, кто все потерял. Но они не сдались. Забрали из школы Роберта и Джеффри, продали пони и фаэтон – в общем, затянули пояса так, чтобы только осталось чем дышать. Он собрал весь товар, что лежал нераспроданным, уложил в чемодан и сел на поезд до Ичуки. А там уже пересек границу и почтовым дилижансом поехал по Риверине¹².

Это было настоящее приключение: один посреди буша, с восемью тысячами фунтов в чемодане – а ведь тогда на дорогах еще орудовали разбойники. Но видно, Бог миловал. А какие там просторы, воздух какой, и тишина! Люди живут привольно, работают до упаду, но и выручают много. Деньгами соряют, покупают, не глядя, золотые часы, цепи, чтоб потолще – почти на полтысячи разошлось на одной только ферме! Это здесь, в городе, было черным-черно от горя, и поселки, вчера еще богатые, пустели, и стояла незастроенной земля; а там будто никто и не слышал про депрессию. Эх, надо было бросить все и уехать подальше в глушь. Тогда и дети были бы здоровее, и – кто знает? – может, беда обошла бы их дом стороной.

Но что толку теперь судить да рядить?

За дверью послышалось нетерпеливое поскуливание, ручка дернулась – сперва чуть-чуть, потом уверенней, и мистер Вейр невольно улыбнулся, увидев в проеме длинную собачью морду.

– Ну, иди сюда, хитрюга, – сказал он и похлопал Джипси по мускулистому тугому плечу. Борзая, вывалив язык, нетерпеливо клала когтями по паркету. – Перевязали тебя?

Он нащупал на другом плече бинт, жесткий от спекшейся крови, и нахмурился.

– Мэгги! – крикнул он в полуоткрытую дверь. – Софи! Есть кто живой в этом доме?

Ему ответили не сразу. Где-то прервался приглушенный разговор, и знакомые шаги засеменили по коридору.

– Ты звал, дорогой?

– Какого черта Мэгги не перевязала собаку? Вы мне хотите ее угробить?

– Но я думала, что...

– Ты вечно что-то думаешь! Ни в чем у тебя нет порядка, Хильда! Разве это так сложно?

Почему я должен за всем следить?

Сестра поджала губы, но не сказала ни слова поперек. Неумело похлопала по юбке ладонью, подзывая собаку, и увела ее, тихо прикрыв дверь.

Бестолочь, подумал мистер Вейр устало. Когда возница теряет поводья, телега летит в тартарары. Так и их дом. Хильда только и делает, что жалуется, как трудно в наше время найти хорошую прислугу. Одна лишь Эффи могла всё. Везде попевала – и хозяйство вести, и воспитывать детей, и устраивать музыкальные вечера. Дом звенел от смеха, вечно там что-то творилось – званые обеды, праздники, бридж с друзьями по пятницам. И всем заправляла его красавица жена. Чудила иногда, конечно, но даже причуды были ему милы. То принесет диковинное растение в кадке, а оно вымахает до самого потолка; то купит картину у студентика из школы искусств – «Он точно станет знаменитым, я чувствую!». И ведь была права: в прошлом году он золотую медаль взял на выставке в Париже. Как его звали?.. Несса должна знать.

Внезапно кольнуло в левом боку, и спустя пару секунд – еще раз. Мистер Вейр охнул тихо, прижал ладонь к ребрам. Ничего, так бывало; сейчас пройдет. Зря он окунулся в это прошлое с головой. Какой теперь в этом толк? Тех, кто ушел, не вернуть. Остаются от них вещи – часы, полученные в подарок к свадьбе; картины на стенах, пальма, упершаяся в потолок. Остаются дети. Фотографии. Даже запах её волос он, кажется, помнил – тёплый, пьянящий.

Вот уже и боль утихла, а он все сдавливал бок, зажимая невидимую рану, словно боялся кровью истечь. Навалилась слабость, а вслед за ней – обида какая-то: вроде полон дом народу,

¹² Риверина – крупный сельскохозяйственный регион в юго-восточной части штата Новый Южный Уэльс.

а никто не зайдет, не спросит: как ты? может, принести что? зажечь лампу? На улице стемнело, и он уже не мог разглядеть на столе своих рук, по-прежнему сжимающих часы. Погладил нагретое в пальцах золото, спрятал бережно в ящик стола и поднялся тяжело, опасливо, готовый к новой боли. Пора было переодеваться к ужину.

6. Спринг-стрит

Зной поднимался от раскаленной мостовой, точно клубы пара, и уходил в прохладную бирюзовую высь. Там он, должно быть, умирал, и мысль об этом приносила облегчение. Где-то наверху сейчас хорошо, думала Делия, заглядывая в небо, раскрошенное на кусочки ажурными полями ее шляпки. До заката было еще далеко, а город остывал медленно, как большая чугунная сковорода. Ладошка Тави в ее руке вспотела так, что это чувствовалось сквозь перчатку.

По тротуару плыла разгоряченная толпа, колыхались юбки, покачивались зонтики. Уличный шум тонул в вязком воздухе, как в вате, только цоканье конских копыт отдавалось гулким эхом.

– Делия, – зашептала вдруг Тави, – если незнакомый джентльмен улыбается мне, я должна улыбнуться ему в ответ?

– Что? – переспросила она, очнувшись, и повернула голову. По самому краю мостовой, степенно, вровень с ними, шагала холеная серая лошадь. Позади, влекомая ею, катилась легкая коляска с откидным верхом. В коляске сидел давешний ювелир и в самом деле приветливо улыбался.

– Мистер Вейр!

– Мисс Фоссетт, – он учтиво приподнял шляпу и натянул поводья. – Не самая подходящая погода для прогулки, не правда ли? – Он перевел взгляд на Тави. – Какая очаровательная маленькая леди! Как тебя зовут, дитя?

– Октавия, сэръ, – застенчиво ответила девочка.

– Сегодня действительно довольно жарко, – вступила Делия, словно извиняясь за природу, – но нам не очень далеко идти. Кстати, вы не подскажете: Брантон-авеню – это ведь до конца улицы и налево?

– Вы шутите! – воскликнул мистер Вейр с оттенком неподдельного ужаса. – Пешком по жаре в такую даль! Садитесь, я вас довезу – я как раз еду в ту сторону.

От неожиданности она растерялась и, не найдя сколько-нибудь подходящей причины отказаться, умоляюще прижала руки к груди.

– Что вы! Большое спасибо, но мы действительно дойдем пешком...

– Весьма неразумно с вашей стороны, – он покачал головой. – Прошу простить мне мою прямоту, мисс Фоссетт, но таскать маленького ребенка в жаркий день только ради того, чтобы сэкономить на трамвае, да еще отказываться от помощи из-за дурацких предрассудков...

«Дурацких»! Если бы Агата узнала... А он – как он только обо всем догадывается?

Тави, окрыленная вниманием к себе, едва заметно подергала Делию за руку и просительно обратила к ней раскрасневшуюся мордочку.

– Но мы шли на представление, которое начнется не раньше, чем через час, – она в отчаянии ухватилась за единственную оставшуюся соломинку, – а в коляске мы доберемся туда слишком рано...

– Ничего страшного, мы проведем это время с пользой.

Ювелир пару секунд наслаждался ее замешательством и затем добавил с театральным апломбом:

– Садитесь, я покажу вам *мой* город!

Он, верно, думает, что Мельбурн – творение его рук, удивленно подумала Делия. Однако упираться и дальше становилось невежливо. В конце концов, он так искренне участлив и явно желает им добра...

– Значит, вы идете на крикетный стадион смотреть кинокартину? – спросил мистер Вейр, помогая им забраться в коляску.

– Откуда вы узнали?

– Помилуйте, я живу в этом городе всю жизнь! К тому же сегодня понедельник. Ну, вы уже успели погулять здесь? Видели мэрию, театры?

– Не успела, – призналась Делия, смутившись, словно была поймана на невнимании к чему-то важному.

– Тогда самое время посмотреть вокруг, – изрек он назидательно и щелкнул хлыстом.

Город, зыбко колышущийся в горячем воздухе, подхватил их и понес рядом со звенящими трамваями и рычащими авто, накрыл благодатной тенью могучего Гранд-отеля, выпятил гордо огромную парадную лестницу Парламента, венчаемую, где-то высоко, античной колоннадой. Дальше, мимо бронзового генерала Гордона, который бесстрастно проводил их взглядом, скрестив руки на груди, и направо, на Коллинз-стрит. Город температурил, как в лихорадке, яростно сверкал витринами и щетинился расческами телеграфных столбов. «Смотрите на него!» – восклицал их проводник в языческом экстазе и указывал хлыстом вверх, где вонзались в густую лазурь готические шпили и тянулись прекрасные до боли стрельчатые арки дома Риалто. Где-то тут, рядом с Риалто, у Делии перехватило дыхание от восторга – и она вмиг пропала, погибла, очнувшись только у питьевого фонтанчика, к которому заботливо привез их мистер Вейр. Последний раз они пили еще дома, и он словно понял это, остановил лошадь и ждал, пока они по очереди приникали губами к тепловатой, но все равно восхитительно сладкой струе.

– Пора бы уже ехать, – подал он наконец голос, – если хотите успеть к началу.

Делия бросила на него благодарный взгляд и заторопила племянницу. Усевшись в коляску, она откинулась на спинку сиденья и предалась радостному, непрошеному, подарком упавшему на нее чувству. Каким удивительным оказался город и каким сердечным – ее новый знакомец! Приятно было ехать, слушая, как он представляет ей то одно здание, то другое, болтает и шутит, отвечает на вопросы Тави, которая, уже осмелев (когда только успела?), с готовностью приняла предложение вступить в разговор.

– Значит, вы живете где-то в Карлтоне?

– Нет, в Виндзоре. Мы ездили покупать нитки для сестры – она не любит наших местных лавок...

– Так она уже принимает заказы? Вы дали объявление в газету? Нужно обязательно дать, и сразу в несколько. Не теряйте времени. Что ты хочешь спросить, Тави? – обратился он к девочке, которая нетерпеливо ёрзала на сиденье, умирая, видимо, от желания вставить слово.

– У вас такая красивая лошадь! Как ее зовут?

От волнения или забывшись, она задала вопрос сразу на двух языках и тут же сконфуженно опустила руки. Но мистера Вейра это, кажется, развеселило.

– Её зовут Чайка. Как это будет по-вашему?

– Мы говорим просто «птица», – охотно объяснила Тави, довольная, что может участвовать в разговоре на равных.

– И как же это выглядит?

Девочка приложила согнутую кисть к носу, выставив ее на манер клюва, и изобразила пальцами, как птица щелкает им.

– Очень интересно! Но все-таки – как вы поступите, если нужно сказать именно «чайка»?

– Тогда по буквам. Только я не знаю *точно*, как это пишется...

– А вы, мисс Фоссетт?

Какое подвижное у него лицо, подумала Делия; во время разговора оно часто меняет выражение. Светлые глаза то загораются любопытством, то прищуриваются лукаво, то следят внимательно, цепко. Меняется и голос – льется лениво теплым мёдом, а то царапнет вдруг, как тогда в магазине...

– Неужто забыли? – поддразнил мистер Вейр, когда она замешкалась.

Делия в ответ улыбнулась, заразившись его настроением, и медленно, буква за буквой, показала слово «чайка».

– Поразительно! Я, кажется, припоминаю эти знаки – у нас в детстве был журнал с азбукой глухих. Но ведь ужасно неудобно, что нужно иметь свободными обе руки. А если, к примеру, держишь поводья?

– Увы, – ответила Делия. – Есть, правда, ирландский алфавит; он для одной руки, но я ему не училась.

Они свернули с широкого тенистого бульвара Веллингтон-парад, и вдали уже замаячили трибуны стадиона, когда мистер Вейр сказал:

– Знаете, у меня возникла идея. Ваша сестра действительно хорошая портниха?

– Это правда. Она сама кроит и может сшить что угодно.

– Очень кстати, потому что у меня есть пара знакомых барышень, которым как раз нужна настоящая мастерица. Вы не против, если я порекомендую им миссис Клиффорд?

– Откуда вы знаете фамилию сестры? – ахнула Делия.

– Признаться, случайно увидел в старой газете объявление о похоронах... Ну так как?

Она закусила губу, чувствуя, какой скользкой стала почва, на которую они ступили.

– Я вижу, вы в нерешительности. Давайте сделаем так: спросите у сестры и, если она согласится, будьте так любезны прислать мне адрес. Вот моя карточка.

Вручая ей визитку, ювелир улыбнулся, и Делия вдруг заметила, что у него ямочки на щеках. Она поспешно отвела взгляд и поймала себя на мысли, что ей совсем не хочется сейчас идти смотреть картину.

Когда они достигли крикетного стадиона, ей было по-настоящему жаль расставаться. Наверное, она простилась с ним теплее, чем следовало бы при знакомстве столь кратком, но невозможно было скрыть подаренную радость: хотя бы улыбкой, взглядом хотелось вложить ее в полуформальные слова. Какой он, наверное, счастливый; такими легкими бывают обычно люди, которые выросли в веселой дружной семье. Тех же, кому повезло меньше, тянет к подобным счастливым – поймать ощущение беззаботности и веселья, настроиться на него, как настраиваются музыканты в оркестре, слушая инструмент, который издает самый точный и правильный звук.

Джеффри проводил взглядом две фигурки – маленькую и побольше – и тронул лошадь. Почему, подумал он, люди не всегда наследуют привлекательную внешность? Вот, например, сестры: одна красавица, а другая – совершенно невнятная, будто смотришь через мутное стекло. Робость не прибавляет ей очарования; кажется, даже для улыбки ей нужно усилие. Впрочем, это ладно, сестры не всегда похожи друг на друга. Но мать и дочь?.. Бедная девочка – наверное, пошла в отца. А могла бы быть прелестной, как ангелочек.

Он не стал разворачиваться, а продолжил путь по Брантон-авеню и свернул дальше на Пант-роуд. Получался небольшой крюк, но это не страшно: Марвуды подождут еще немного. По правде говоря, они будут ждать ровно столько, сколько ему захочется.

Марвуды считали свой особняк самым шикарным в Восточном Мельбурне, и Джеффри, пожалуй, согласился бы с этим лет десять назад. Но все эти железные кружева, в которые было модно одевать каждый второй дом, еще к началу века сделались архитектурным штампом и, как всякий штамп, потеряли свежесть и выразительность.

– Мистер Вейр! – воскликнула с порога хозяйка. – Я, право же, волноваться начала – не случилось ли чего?

– Прошу меня простить, леди Марвуд: мою лошадь испугал автомобиль, она понесла, и я сбил пешехода.

– Боже мой! Он остался жив?

– Да, все в порядке, отделался легкими ушибами.

– Ах, мистер Вейр, на дорогах стало так опасно! Мы очень рады, что купили автомобиль – он гораздо, гораздо надежней!

Щеки у нее порозовели от гордости и удовольствия, пухлая ручка кокетливо поигрывала веером. А ведь не далее чем вчера это лицо было бледным, как смерть, а руки нервно стискивали одна другую. «Умоляю вас, – шептала она, – всего десять фунтов! Я выкуплю все, обещаю! Но деньги мне нужны сейчас, потому что если муж узнает...»

– А вот и чай, – провозгласила леди Марвуд и послала ему улыбку, которую, видимо, сама считала обольстительной. Десять фунтов волшебным образом превратили убитую горем сорокалетнюю женщину в нестарющуюся любительницу удовольствий. – Мне, право, так жаль, что вы не застали девочек! Они поехали выбирать ткань на платья да, видно, завернули оттуда к тетушке и засиделись у нее.

Совсем недавно эта новость вызвала бы у него досаду: девицы Марвуд, хоть и порядочные дуры, были все-таки самым привлекательным, что он мог найти в этой семье. Но сейчас его мысли занимало другое.

– Кстати, леди Марвуд, – сказал Джеффри, поставив чашку с чаем на низкий столик и слегка наклонившись в сторону хозяйки, – я случайно узнал об одной новой портнихе – её очень хвалят, и, по-моему, она недорого берет.

– Дорогой мистер Вейр, вы же знаете: цена – это для нас не главное. Главное – это качество! Сейчас, к сожалению, нечасто встретишь тех, кто работает на совесть. Да еще, девочки говорят, в Европе появились какие-то новые моды, а здесь, как обычно, никто не в курсе.

Когда минут через пять Джеффри встал, чтобы откланяться, леди Марвуд вдруг приблизилась к нему почти вплотную и зашептала:

– Вы ведь придете к нам в следующую среду? Трудн будет очень рада, уверяю вас! И все мы будем рады...

Дивные Марвуды, подумал Джеффри. Как хорошо, что даже самый глупый человек может быть полезным.

7. Виндзор

Наконец автомобиль остановился у нужного дома. Что за болван, подумала Гертруда, сверля кожаную спину шофера сердитым взглядом; неужели трудно было спросить дорогу у прохожих? Пока они кружили по этим закоулкам, ее укачало, а противней могут быть разве что женские недомогания.

– Помоги же мне с этой дурацкой шляпой, – сказала она раздраженно, повернувшись к Люси.

Чумазый мальчишка, увлеченно пинавший консервную банку, остановился поглазеть на них. От досады Гертруда запуталась в густой вуали, прикрепленной к полям шляпы, и он прыснул.

– Что уставился? Я тебе! – пригрозил шофер, и пацаненка как ветром сдуло. – Давайте руку, мисс.

Придерживая юбку свободной рукой, она спрыгнула на землю. Надо было все-таки поехать на трамвае: вышло бы не дольше, и не нужно напяливать эту нелепую шляпу и закутываться в плащ по самые уши. Автомобиль был бы хорошей вещью, позволяй он только пускать пыль в глаза другим; но глотать эту пыль самой...

Люси постучала в дверь щитового домика. Открыла девушка, похожая на горничную, но без передника, в одном лишь черном платье. Они прошли в маленькую гостиную, обставленную скромно, хотя не без изящества. На столе у окна в безупречном порядке лежали шкапки с нитками, портновский метр, ножницы, какие-то еще предметы. Рядом стояла швейная машинка. Большое окно, единственное в комнате, обрамлялось кружевными занавесями, а на круглом столике, накрытом белоснежной вышитой скатертью, возвышалась ваза с букетом из голубых ирисов.

– Хочу вас предупредить, мисс Марвуд, – сказала девушка извиняющимся тоном, – что моя сестра глухая. Пусть вас это не смутит. Не волнуйтесь, я буду переводить.

Вошла молодая женщина, тоже в черном и на удивление миловидная. Траур совсем не портил ее, хотя самой Гертруде этот цвет пошел бы гораздо больше. А вот крой был модным, и сидело платье отлично. Раньше она бы ни за что не поверила, что человек с физическим изъяном может выглядеть так эффектно. Глухие ей, правда, до сих пор не встречались, а вот слепые музыканты на благотворительном концерте оставили тягостное впечатление. Играли хорошо, но она не могла сосредоточиться на музыке: всё смотрела в их лица, чувствуя смесь жалости, страха и отвращения. Многие носили черные очки, глаза остальных были пусты и бессмысленны.

– Итак, чем мы можем вам помочь, мисс Марвуд? – прервала ее раздумья девушка.

– Я хочу сшить вечернее платье, – сказала Гертруда и протянула портнихе каталог, раскрытый на нужной странице. – Вот такое.

Она заранее приготовилась к глупым вопросам и ждала их с застарелым раздражением, но в ясном, правильном, как у моделей из журналов, лице не дрогнул ни один мускул. Коротко кивнув, женщина сделала несколько знаков своей переводчице.

– Будьте так добры, покажите ткань, из которой вы хотите сшить платье.

Гертруда взяла у Люси сверток, и тускло блеснул в дневном свете лимонно-желтый шелк. Портниха вновь кивнула и, жестами объяснив, что хочет снять мерки, подошла к столику у окна. Держалась она очень спокойно и с каким-то затаенным достоинством – не суежилась подобострастно, как другие швеи, не сникала под ее взглядом («Ты умеешь так требовательно смотреть, дорогая», – говорила иногда мать).

Когда все мерки были записаны, портниха вновь обратилась к помощнице, то постукивая указательным пальцем одной руки по другой, то прикладывая его к ладони на разный манер.

– Мы должны обсудить с вами детали, – заговорила девушка, подойдя поближе. – Хотите ли вы сделать отделку кружевами, как на рисунке?

– Я все принесла, – Гертруда протянула ей второй сверток.

Как ловко они болтают, просто диву даешься! Удобно, должно быть, знать такой язык: можно говорить хоть о чем, и никто не подслушает. Вот бы они повеселились с Джен! Обсуждай хоть ухажеров – ни мать, ни Люси и бровью не поведут.

– Вам понадобится особый корсет для этого платья, – сказала Делия, переведя взгляд с сестры на Гертруду.

– У меня он уже есть, – отпарировала та с достоинством. Пусть знают, что уж она-то разбирается в моде, как никто. Длинный, почти до колен, новый корсет – предмет ее тайной гордости, сделанный на заказ в Англии, – целых два месяца ждал своего часа в ящике комода.

Примерку назначили на следующий четверг – довольно скоро, прикинула Гертруда, ведь работа не из легких: скользкий шелк так капризен, особенно если фасон облегающий... Одно такое платье прежняя модистка уже испортила. И почему отец не хочет переехать в Европу? Там сейчас происходит все самое интересное, а ей только и остается, что читать письма кузины да рассматривать картинки в журналах. Француженки щеголяют в невероятных нарядах от Поля Пуаре – таких праздничных, ярких, не то что надоевшие за несколько лет одеяния в пастельных тонах. Ах, как хочется быть там, в самой гуще событий! Дамы носят украшения от Лалика¹³ – тут такое никому и не снилось. Впрочем, мистер Вейр обещал ей что-то подобное...

Да, подумала Гертруда, выходя на улицу, он все-таки настоящая находка. В нем нет ничего от неотесанных мужланов, которые, увы, нередки даже в столице. С другой стороны (так приятно чувствовать себя рассудительной!), английской спесью и сухостью он тоже не отличается. Отменные манеры, всегда безупречно элегантен и учтив, остроумен – с ним никогда не приходится скучать. Даже отец благосклонен к нему, хотя считает торговцев неподходящей партией для своих дочерей. А уж маменька и вовсе души не чает.

Две дамы, одетые в кожаные плащи и шляпы с сеткой, как у пасечников, сели в автомобиль, и тот, чихнув, укатил. Слава Богу, все позади! Мисс Марвуд, кажется, осталась чем-то недовольна, и было грустно думать, что это ее, Делии, вина. Когда человек раздражен, это кожей чувствуешь, даже если он с виду спокоен.

Но сейчас все это не так важно; главное – у них будут деньги! Мистер Вейр не обманул ее и в самом деле помог. «Связи, мисс Фоссетт, – написал он ей в ответ на открытку с адресом, – это самое главное в большом городе. Одно звено тянет за собой другие, так что уверен, у вас не будет недостатка в клиентах». Агата, правда, запретила ей продолжать эту переписку. Чем осторожней ведешь себя с мужчинами, сказала она, тем лучше. Если что-то случится, виновата будет не только Делия, но и она сама: не досмотрела, не выполнила обещания, данного родителям.

Агата хлопнула в ладоши, привлекая внимание, и сделала знак, что пора заниматься с Тави. Уроки проходили в спальне, которая одновременно служила классной комнатой и детской. Едва Делия вошла, маленькая ученица тут же бросила игрушки: она явно устала сидеть в одиночестве и изнывала от любопытства – ей-то не удалось увидеть незнакомок даже в окно.

– На чем они приезжали? – зазвенел с порога тоненький голосок.

– На автомобиле.

– Они были красивые?

¹³ Лалик, Рене (1860—1945) – знаменитый французский дизайнер и предприниматель, чьи украшения в стиле модерн считаются шедеврами ювелирного искусства.

Делия улыбнулась. Даму-компаньонку, низенькую и пухлую, вряд ли кто-то назвал бы красавицей, а вот в мисс Марвуд определенно было нечто, притягивающее взгляд. Тяжелые, «воловыи» веки над зеленовато-кариими глазами, крупные губы с капризным изгибом – все казалось экзотичным, ярким. Платье с картинки в ее каталоге тоже выглядело необычно: облегающее, будто кокон, оно не расширялось книзу, а напротив, чуть сужалось, заканчиваясь небольшим шлейфом, так что силуэт получался прямым и стройным.

– Да, – сказала она. – Если будешь хорошей девочкой, я покажу тебе их в следующий раз. А сейчас давай заниматься. Иди, поможешь мне достать книжки.

Девочка, все еще взбудораженная услышанным, взобралась на стул, сгребла обеими руками стопку книг из шкафа и прижала их к животу.

– Нет, ты, кажется, взяла лишнего... Дай-ка мне эту тетрадку.

– А что в ней?

Делия бережно вернула тетрадь на полку.

– Стихи.

– Кто их сочинил?

– Мой брат. Для тебя он был бы дядей. Ну, садись заниматься, а то мама рассердится.

Тави примостилась у столика, а Делия раскрыла книгу и начала читать ей вслух о девочке Элле, которая задавала слишком много вопросов. Сама она любила эту книжку в детстве, хотя позже нравоучительный тон писательницы стал ей неприятен, и «Истории для мальчиков и девочек» так и остались недочитанными.

– Ты скучаешь по своему дяде? – спросила вдруг Тави, когда Делия прервалась, чтобы перевернуть страницу. – Поэтому ты такая грустная?

Делия не смогла сдержать улыбки, но поправлять девочку не стала.

– Я совсем не грустная, Тави. Хотя я, конечно, скучаю.

Она вернулась к чтению, но знакомое тепло уже побежало по венам, как бывало, когда заходил разговор об Адриане, и какая-то часть ее мозга, незанятая черными значками в книжке, предалась воспоминаниям. Ей так хотелось, чтобы окружающие знали о том, каким был ее брат! Но не заведешь ведь разговор вот так, запросто, будто хочешь прихвастнуть. А уж отнести стихи в редакцию тем более страшно: разложит тетрадку вальяжный, убеленный сединами редактор (а может, наоборот, молодой, вечно спешащий и взлохмаченный?), мазнет равнодушным взглядом по странице... Нет, не готова она была обнажить душу перед незнакомцами, отдать на их суд драгоценные строчки, которые для нее существовали всегда. Стихи звучали в их парадной гостиной, когда она, Делия, едва ли могла осознавать важность происходящего. Но еще будучи семи-восьмилетней, она любила слушать, как Адриан читает, и пытливо всматривалась в лица гостей: нравится ли им? Стояла тишина, даже веера смолкали, и голос звенел празднично, наполняя каждый уголок комнаты. Отец сидел гордый и бледный, чуть раскачиваясь в такт – никогда больше Делия не видела его таким. И – удивительное дело – она не испытывала зависти к брату. Наверное, потом, став постарше, могла бы; но когда она вышла из детства, завидовать было уже некому.

Она, кажется, запнулась на середине фразы и молчала уже долго – сколько, секунды, минуты? – потому что большие темные глазенки смотрели на нее удивленно и выжидающее.

– Хочешь, почитаю ту тетрадку? – спросила Делия.

Девочка охотно закивала, не вынимая пальца изо рта.

– Хорошо. Только обещай, что не расскажешь маме. Это будет наш секрет, ладно?

Ох, зря, думала она, доставая тетрадь. Рано или поздно всё тайное всплывет. Никаких разговоров на эту тему, конечно, не было, но она чувствовала: Агата будет недовольна, если узнает. Молчаливые листы, зажатые между книгами в шкафу, не опасны, но стоит высвободить эту память, впустить в дом – она восстанет, точно восстанет. Ведь не разрешила же такой мелочи – фотокарточки на столе. «Но он же и твой брат!» – сказала тогда Делия потрясенно.

Разве можно так? Но сестра была непреклонна: «Я никогда не позволю превратить мой дом в родительский. Ты поняла? Никогда».

Это было несправедливо. Ужасно.

Она села, положив тетрадь на колени. Торжественная тишина ждала ее, точно нетронутый лист, и слова, вот-вот готовые зазвучать, были достойны белизны этого листа.

Первые строчки вышли у нее чуть сипло – от волнения, должно быть; но очень быстро голос окреп, язык перестал казаться деревянным, и полилась музыка – чистая, сладкая, как родниковая вода. Это было потрясающе: с каждым звуком, с каждой паузой Адриан пробуждался в ней. Обычно он приходил, когда ей было тяжело и хотелось опоры – не снаружи, как часто необходимо женщине, а в самой себе; но сегодня она впервые вызвала его, как заклинанием вызывают духов. Спиритические сеансы – об этом много говорили; она, правда, не верила всерьез. Теперь же она сидела, счастливая, боясь спугнуть его незримое присутствие. Но даже когда это сделала Тави, громко заявив, что хочет есть, Делия не огорчилась. Её счастье было так велико, что хватило бы на всех.

8. Центральный вокзал

Место у окна оказалось свободным, и можно было наконец расслабиться и развернуть газету. Скользнуть лениво по частоколу длинных колонок, пока глаз не зацепится за что-нибудь любопытное.

«Р-р-р-р», – прочитал он сначала, и только затем обратился к заголовку. Полет Гарри Гудини! «„Р-р-р-р“, – зарычал пропеллер, молотя лопастями воздух. Пилот коснулся зажигания, и машина покатила со скоростью, быстро достигшей тридцати миль в час. Проехав сорок или пятьдесят ярдов, Гудини выдвинул подъемные панели, и самолет взмыл в воздух, как птица. На одно мгновение Гудини ощутил трепет – когда понял, что он действительно на небесах».

Знаменитый фокусник совершил первый в Австралии управляемый полет, и где – в заолустной деревне к северу от Мельбурна! Однако же как отстаешь от времени с этой горой дел, подумал Джеффри; наверняка ведь сообщали заранее, и можно было съездить посмотреть... И сразу кольнуло ревниво: вот ведь, опередил местных заезжий гастролер. В Америке давно уже летают, а здесь словно никому это не интересно. Хотя Гудини, конечно, молодец: смог выделиться из сотен рядовых фокусников, прозябающих в провинциальных театриках, да как – с блеском истинного мастера, который не только владеет ремеслом, но и умеет подать его совершенно по-новому.

Человека влекут тайны, и тот, кто поставил на них всерьез, не прогадает. А какие это тайны – хитроумный фокус с исчезновением, лихо закрученный детектив или еще что-нибудь – каждый выбирает сам.

Напротив села дама средних лет в мышасто-сером платье и с выцветшим каким-то лицом: брови и ресницы совсем светлые, блеклая кожа, льняная прядь выбилась из-под шляпки; в глазах – вековая тоска. О чем она думает? Сосед справа кашлянул, и она мучительно поморщилась. Мигрень ли (вот тронула рассеянно висок), болезненная раздражительность? А может, дома мечется в горячке ребенок, оставленный с няней, и даже чужой кашель причиняет страдание?

Вот – уже загадка; пока маленькая, но уже способная заинтриговать.

У многих из тех, кто приходит к нему в магазин, тоже есть свои тайны – правда, всё больше другого свойства. Величественная матрона, проигравшаяся в пух и прах на скачках; бездельник, задолжавший кредиторам; милая молодая женушка, потратившая все хозяйственные деньги на модные наряды, – все они молят о драгоценных чеках. И о молчании. Перед глазами всплыло румяное лицо госпожи Марвуд – почтенной супруги члена Парламента, радательной матери и, между прочим, страстной любительницы виста. Сия маленькая слабость до такой степени владела ею, что нередко затмевала все прочие (весьма немногочисленные, следует признать) мысли. Кроме того, леди Марвуд была на редкость общительна и в задушевной беседе охотно выбалтывала столько пикантных подробностей о других столь же очаровательных дамах, что не будь у Джеффри прекрасной памяти, ему пришлось бы обзаводиться записной книжкой. Никто не посмел бы назвать его сплетником или любителем подсматривать в замочную скважину из пошленького любопытства. Но с самого детства ему известна была нехитрая истина: всякая деталь может однажды стать незаменимой, поэтому надо собирать всё.

Когда он вышел из поезда в Ист-Кэмбервелле, на улице уже стемнело. Резкий южный ветер гонял по платформе мусор и опавшие листья. К ночи наверняка соберется дождь. Идти пешком при таком ветре не очень приятно, но он все-таки решил не брать извозчика: дуть будет в спину, да и всего пути – четверть часа.

Еще с порога он почувствовал больничный запах, который всегда наводил тоску.

– Что сказал доктор? – спросил Джеффри, вручая Мэгги шляпу и трость.

- Говорит, перелома нет, слава Богу. Как тут все переволновались, мистер Вейр...
- Достаточно, Мэгги, спасибо.

Ванесса сидела в комнате для завтрака и читала, положив на стол забинтованную до самых пальцев руку.

– Больно? – Джеффри понизил голос, но не стал сильно смягчать его, чтобы сестра не решила, что ее жалеют.

- Уже не очень, – равнодушно ответила она. – Неудобно скорее.
- Не надо было падать на правую руку.
- Благодарю покорно, в следующий раз упаду на левую.

В гостиной висела тягостная тишина; даже часы, казалось, тикали вполголоса. Отец делал вид, что занят газетой, тетка шевелила спицами. Увидев Джеффри, она всхлипнула и затаила жалобно:

- Что же такое творится? Как нам быть дальше – запирайте на ночь дверь в ее спальню?
- Ох, помилуй, Хильда! – оборвал ее отец. – Что за вздор ты несешь?

Старая дева обиженно смолкла, но надолго ее, как обычно, не хватило.

- А если все-таки пригласить доктора из Кью?..

– Опять вы, тетушка, за свое, – вступил Джеффри. – Это же, простите, нелепо. Она умная девушка, а вы хотите запереть ее в сумасшедший дом.

– Тише, тише! – замахала она руками в испуге. – Я ничего такого не говорила. Но должны ведь там знать, как лечить снохождение...

– Перестань же, наконец, кудахтать! – не выдержал отец. – Мужа ей надо, а не врача. И книжек поменьше. А мы дышать на нее боимся. Разбаловали.

За ужином царило молчание; отец хмурился, тетка то и дело бросала озабоченные взгляды на Ванессу, которая флегматично ковыряла еду, держа вилку левой рукой; Эдвин, как обычно, витал в облаках. Когда подали десерт, Джеффри завел разговор о том, что было сегодня в магазине, и плавно перешел к Агате.

– Сёстры, – он взял свой самый задушевный тон, – дочери преуспевающего врача с Тасмании – и представьте, какое несчастье! Только тем и сводят концы с концами, что миссис Клиффорд шьет на заказ.

- А сколько им лет? – оживилась тетка, забыв, что минуту назад была безутешна.

- Одной около двадцати, вторая старше лет на пять.

- Бедняжки... Так ты коротко с ними знаком, Джеффри?

– Ну, более или менее, – он лучезарно улыбнулся прямо в черепаховые теткины очки. Мутновато-серые глаза блеснули из-за толстых стекол, и Джеффри отчетливо увидел, как лихорадочно заработал ее мозг. Наживку она проглотила с большим аппетитом: еще бы, дочери врача, из которых одна молодая и незамужняя. Пусть сейчас и нуждаются, но это дело временное. Главное в жизни – связи, правда ведь?

– Я бы пригласила их погостить. У нас так редко кто-то бывает! – она обвела взглядом стол, приглашая всех разделить ее энтузиазм. Ванесса, до этой фразы безучастная, взглянула на отца, и он потупился. Все знали, почему.

– Они в трауре, – напомнил Джеффри. – Сестре миссис Клиффорд, кажется, остался месяц.

– Ну, пригласим в апреле. А то мы скоро совсем зачахнем, – Голос ее окреп и звучал преувеличенно бодро. – Пускай молодежь веселится. Ну и, в конце концов, молодые барышни в доме...

Тетка хитро улыбнулась Эдвину, и он напрягся, даже голову попытался вжать в плечи, хотя непросто это сделать с такой-то шеей. Семейная лебяжья красота, которая так шла сестрам, ему была как корове седло, и в голове пронеслась привычная мысль: не будь он так похож на всех Вейров, его порок не казался бы столь отвратительным. Но увы: бабушкины узкие

кисти с пальцами пряжи, шотландское золото в волосах – не всегда паршивая овца неприглядна с виду. А вот внутри... Постыдная тайна Эдвина перевесила бы все мелкие грешки тех, кто приходит к ним в магазин.

На улице зашумело, ровно и сильно, и тут же полыхнуло наискось, через все окно. Отец встал из-за стола; Джеффри, как было заведено, проследовал за ним в кабинет.

Ежевечерний отчет о делах завершился, вопреки обыкновению, не точкой, а нерешительным многоточием. Отец смолк, подергал себя за седой ус, пожевал губами. Наконец заговорил, немного ворчливо.

– Как тебя понимать с этими сегодняшними сестрами? Что-то не припомню, чтобы ты знакомил нас со своими друзьями.

Джеффри выдержал паузу и сказал мягко:

– Знаешь, я подумал, что Нессе помогло бы общение. Да, она не жалуется наших соседей, но на них же свет клином не сошелся. А новые знакомые развлекли бы ее – может, тогда нервы придут в порядок.

Отец хмыкнул, откинулся на спинку кресла и забарабанил пальцами по подлокотникам.

– Что ж, это неплохая идея, – голос его звучал не вполне уверенно. – А твои знакомые, надеюсь, не из таких, что слишком много себе позволяют?

– Абсолютно. В высшей степени приличная семья, и дочери знают свое место. При этом неглупы и прекрасно воспитаны.

– Это хорошо. Думаю, Нессе будет полезно такое общество.

Вот теперь все закрутится, подумал Джеффри. С этой минуты каждый день будет приближать его к Агате. Конечно, если бы не ее черное платье... Но та, другая, скоро сменит его на голубое или желтое – и послушно перекинется мостиком, достаточно устойчивым, чтобы на него опереться.

9. Книжная аркада Коула

По правде говоря, она собиралась заглянуть в магазин всего на минуточку. Так бывает, когда покончишь с делами, за которыми выбралась в город, а погода до того славная, что хочется несколько лишних шагов пройти, сделать вид, что тебе страсть как любопытно: что это там в соседней витрине? – только бы не покидать этой радостной суеты Коллинз-стрит. Неуютность оттого, что ходишь везде одна, после снятия траура сменилась чувством головокружительной свободы. Ничего не случится, если я зайду, решила Делия и сама удивилась своей отваге.

Внутри было празднично и весело: откуда-то доносилась музыка, двое малышей в матросках вцепились в юбку матери, восклицая: «Пойдем скорее к обезьянам!». Если бы не стеллажи и прилавки, Делия бы в жизни не поверила, что попала в книжный магазин. А он оказался просто необъятным: множество отделов были нанизаны с обеих сторон на длинную галерею, крытую стеклом и металлом; полки дразнились сотнями разноцветных корешков, в витринах красовались раскрытые на самых привлекательных страницах альбомы с фотопейзажами. Восхищенное «Ах!», задержанное в последний момент, застревало внутри, не давая дышать, а руки сами собой тянулись молитвенно к груди (она смущалась этого жеста, который мисс Шульце находила «*pathetische*»). Сколько книг – она за всю жизнь не видала и сотой доли этого изобилия! Здесь можно было провести целый день: зарыться в эти тома с головой, читать выхваченные наугад фразы – и поражаться, как людям удается писать так складно, так образно, что перед глазами возникают яркие картинки. Герой, которого никогда не существовало на самом деле, оживает, как по волшебству, и вот уже волнуешься за него, с нетерпением переворачиваешь страницу: ну, удастся ли ему убежать от погони или раскрыть ужасную тайну?

Потрясенная, Делия бродила среди фарфора и картин, смотрела на продавцов в ослепительно-красных пиджаках (будто в цирке!). Отец любил говорить, что книги – это вещь серьезная, а чтение – не забава; но здесь, кажется, считали иначе. В аркаде обнаружился даже магазинчик игрушек, битком набитый чудесами, и никого не смущало такое соседство.

Прервавшись переулком, аркада потянулась дальше, и Делия, зачарованная, последовала за ней и окунулась в пряный аромат зимнего сада. В самом конце его находился большой вольер с разноцветными попугаями, которые то посвистывали, то вскрикивали резкими скрипучими голосами. Перед вольером толпились люди. Она присела на грубую, сложенную из бревен скамью в кружевной тени папоротников. На соседней скамейке пожилой джентльмен читал пухлую потрепанную книжку, и Делия позавидовала ему: можно никуда не спешить и не думать, что дома отругают за опоздание. А ее ждет Агата и уже, наверное, волнуется... Пора бы идти домой; но как же магазин, она ведь и половины не осмотрела? Бегом, бегом! Кто знает, какие еще сокровища прячет это место?

Миновав кондитерскую и нотный отдел, она ступила под своды длинного зала. Дневной свет лился сквозь стеклянную крышу и падал из больших окон в дальней стене, заставляя сиять начищенные до блеска медные колонны. Галерея второго этажа казалась одним гигантским книжным шкафом, а выше виднелась еще одна галерея. Да ведь это же невозможно обойти целиком, растерянно подумала Делия. Прошлась по отделу с канцелярскими товарами; посетовала в душе, что даже самой малости не может купить, и в конце концов, смирившись, стала пробираться к выходу.

Она немножко заплутала в лабиринтах аркады, но все-таки отыскала двери – и вдруг сообразила, что стоит на Бурк-стрит! Сердце подпрыгнуло, и прежде, чем она приняла какое-либо решение, ноги сами понесли ее туда, где улица, взбираясь на холм, упиралась в могучую колоннаду Парламента. Ведь что за день нынче – так и тянет прогуляться! Осень уже при-

брала себе ночи, и зябко вылезать из постели поутру; но дни все еще теплые – в самый раз для того, чтобы пройтись не спеша по Сити, в приятной, хоть и чуточку незаслуженной праздности наблюдая, как работают другие. Трамвайный постовой в фуражке с околышем делает водителям знаки флажками; едет неспешно водовозка, поливая дорогу, и ноздри щекочет запах прибитой пыли. Мальчишка продает программки скачек, и резкий голос вонзается в уличный шум, как нож в пирог. Торговка айвой – нос красный, мясистый, сам будто диковинный фрукт – пытается его перекричать, да где ей. Персики уже не продают, а так манили они раньше – сочные, бархатные; хотелось даже просто потрогать. Впрочем, Агата все равно не разрешает ничего покупать с лотков: там вечно мошенничают, говорит она; кипятят сливы, чтобы они стали весить больше, подсовывают гнилье. Пирог и печеную картошку тоже нельзя покупать на улице: это все для простонародья. А ей, как на беду, уже хочется есть...

Перед ювелирным магазином Делия остановилась. Как зайти туда? Что сказать? «Просто шла мимо» – неразумно и опасно; но тут, как нарочно, придумался повод, и она торопливо, чтобы не успеть испугаться, взялась за дверную ручку.

Звякнул колокольчик – и сердце упало: за прилавком стоял незнакомый полноватый юноша. Собравшись с духом, Делия пробормотала, что хочет посмотреть кольца, и уткнулась в витрину. Она сама не ожидала, что будет так разочарована. Но тут послышался знакомый голос – мягкий и теплый, с певучими интонациями. Ему отвечал другой – кажется, женский. Говорили где-то совсем рядом, но слов было не разобрать.

Отворилась неприметная дверь позади прилавка, и вышел мистер Вейр в сопровождении высокой девушки в сером твидовом костюме и в шляпке, украшенной голубыми цветами.

– Мое почтение, мисс Фоссетт! Приятно вас снова видеть. Чем могу служить?

Он, казалось, совсем не был смущен. Его спутница наблюдала за ними со спокойным интересом.

– Соседка попросила узнать, не починит ли ей кто-нибудь перстень: из него выпал камешек, – выдала Делия заготовленную фразу.

– Он у вас с собой?

– Нет, к сожалению... Соседка собиралась приехать сама, если будет знать, куда именно.

– Пусть приезжает, – улыбнулся мистер Вейр. – Мы будем рады помочь. Кстати, мисс Фоссетт, позвольте вам представить Ванессу, мою сестру.

Делия пожалала протянутую ей узкую ладонь и назвала себя. Тень, только что набежавшая на образ мистера Вейра, исчезла. А ведь они действительно похожи, подумала она, заглянув в тонкое девичье лицо, освещенное серо-голубыми глазами. Нос у нее был длинноватый, как у брата, и такой же красивый, придававший облику неизъяснимое древнее благородство. Держалась она очень прямо и оттого казалась еще более высокой.

– Ну-с, пора бы уже пойти пообедать. Мы так заработались сегодня с утра, – пояснил ювелир, обратившись к Делии со своейкой веселостью, которая была ей приятна, – что забыли обо всем на свете.

– Вы тоже работаете, мисс Вейр? – она не смогла сдержать удивления.

– Почти вся наша семья работает здесь, – ответила Ванесса без особого выражения; голос у нее был довольно низкий и глуховатый.

– Подойдите-ка, мисс Фоссетт; посмотрите вот сюда.

Ей показалось, что Ванесса недовольно щелкнула языком. Послушно приблизившись, Делия посмотрела туда, куда указывал мистер Вейр. Под стеклом на витрине лежала золотая брошь, сделанная в виде птицы-лирохвоста. Тонкие линии вились прихотливо и трепетно, напоминая затейливый узор, какие она видела иногда в журналах. Вместо глаза у птицы был маленький красный камешек, а два черных самоцвета украшали боковые перья хвоста.

– Очень красиво, – прошептала Делия, пораженная филигранностью работы и фантазией мастера.

– Это все Ванесса.

– Я только нарисовала эскиз.

Девушка произнесла это без капли кокетства или жеманности, будто отмахнулась от назойливой мухи. Серьезная, подумала Делия, и не любит, когда рассыпаются в похвалах.

– Однако пора, наконец, идти, – спохватился ювелир. – Вы составите нам компанию, мисс Фоссетт?

Предложение, сделанное столь естественно, застало ее врасплох; в голове пронеслась беспокойная мысль об Агате, а вслед за ней – мучительное желание схватить за хвост ускользающую удачу. И как хорошо было бы сейчас выпить чашку чая!

– С удовольствием, – услышала Делия свой голос, на диво окрепший.

– Отлично. Тогда идемте в кафе «Париж». Ты ведь не против, Несса?

Втроем они вышли из магазина и двинулись в сторону почтамта. Мистер Вейр, неподражаемо элегантен в своем светло-коричневом костюме, шагал вдоль края тротуара, то и дело указывал набалдашником трости на здания, которые они миновали, и представлял их, будто старых знакомых на светском приеме.

– Вот здесь раньше был музей восковых фигур. Короли, преступники – как живые. Мы обожали ходить туда в детстве, и еще на Восточный рынок. Видели его, наверное? Это через дорогу от нашего магазина. Чего там только не было! Заклинатели змей, уродцы, шпагоглотатели... А мадам Зинга Ли – помнишь ее, Несса? Она предсказывала судьбу по шишкам на голове!

– Чудаков тут всегда хватало, – согласилась девушка. – Один Сэм Фентон чего стоил.

– Ох, мисс Фоссетт, если бы вы это видели! Он часто гулял здесь, по Бурк-стрит, со своим зверьем. Вообразите: идет Сэм Фентон, за ним, не отставая ни на шаг, – его ручной гусь, за гусем – утка, а позади фокстерьер!

Представив эту картину, Делия не смогла удержаться от смеха. А мистер Вейр уже показывал ей оперный театр «Тиволи» с огромным шаром на крыше («Вечерами он светится») и величественную мэрию, увенчанную тяжелой часовой башней. Еще поворот – и Делия снова обнаружила себя на Коллинз-стрит. Так замкнулось кольцо ее непредвиденной прогулки.

Они вошли в соседнюю с книжной аркадой дверь и очутились в роскошном кафе с небожримым лепным потолком. Все здесь дышало необыкновенной, *иностранной* элегантностью: узорные ковры на полу, венские стулья, обитые тканью, изящные жардиньерки¹⁴ из полированного металла. У стены стояло пианино.

Их усадили за уютный столик в уголке, под большим овальным зеркалом. Делия поспешила уверить своих спутников, что совсем не голодна, а вот чаю выпьет с радостью; и, пока брат с сестрой изучали меню, она грезила наяву, воображая себя где-нибудь в Париже или Лондоне.

– Ну, чем вы занимались все это время? – обратился к ней мистер Вейр, когда они сделали заказ. – Как поживает ваша сестра?

Делия охотно рассказала, что всё налаживается, и клиенток стало много; объявление в газете очень помогло, но, к их удивлению, немало заказчиц приходит, услышав об Агате от родных и друзей. Например, младшая мисс Марвуд – леди Имоджен.

– Видите, я был прав, когда говорил о связях! Чем вы еще занимались? Что нового нашли в городе?

– Была сегодня в книжной аркаде, здесь, на Коллинз-стрит. Знаете, никогда не видела ничего подобного! Так много всего...

– Еще бы! Это же самый большой книжный магазин в мире!

– Не может быть! – изумилась Делия.

¹⁴ Жардиньерка – корзинка, этажерка или красиво сделанный ящик для цветов.

– Клянусь вам. А обезьян видели? – продолжил он расспросы, с явно искренним, почти мальчишеским интересом.

– До них я не дошла, но слышала, как кто-то говорил про обезьян. Они там и правда есть?

– А как же, целая клетка! Еще была забавная механическая курица: бросаешь в нее пенни – и она откладывает яйцо, жестяное, а в нем конфета или игрушка. Мы раньше часто ходили в эту аркаду – дома до сих пор валяются книжки, которые там печатали. Такие, знаете, красочные, с загадками, стихами...

– И с оптическими иллюзиями, – вставила Ванесса; её строгое лицо тронула улыбка, и в глазах вспыхнули такие же искорки, как у брата. – Мы все рвали эти книжки друг у друга из рук, но первым обычно успевал Боб.

– Что такое ты говоришь, Несса? Первым почти всегда был я!

Мистер Вейр с таким комичным ужасом сдвинул тонкие брови и наморщил лоб, что Делия чуть не расхохоталась.

– *Amicus Plato*, – возразила Ванесса наставительно, – *sed magis amica veritas*¹⁵.

– Разрази тебя гром с твоими науками! Что вы смеетесь, мисс Фоссетт? Неужели вы поняли, что она сказала?

Делия кивнула.

– Вы учили латынь в школе или, не дай Бог, самостоятельно?

– Сама... Хотела пойти потом в университет изучать медицину.

Она закусила язык. Вот ведь странно – некоторым людям ты готов рассказать о себе даже то, о чем они не спрашивали. Почему чье-то любопытство раздражает или пугает, а чье-то кажется лестным?

– И чем же все закончилось?

– Отец не позволил – сказал, что это не женское дело.

Делия тихонько вздохнула от полноты чувств и украдкой посмотрела в зеркало. С лица, казалось, исчезло всегдашнее застенчивое выражение, и внимательный глаз заметил бы определенное сходство с братом. Конечно, Делия никогда не льстила себе всерьез: Адриан напоминал бы греческого бога, родись он белокурым; но что-то едва уловимое в лице, когда она чувствует себя счастливой... разве нет? Вот – блестят глаза, играет на губах улыбка – можно поклясться, что она и впрямь выглядит хорошенькой!

Внезапно её бросило в холод: Агата, должно быть, уже места себе не находит, пока эгоистичная сестра развлекается, сидя в кафе. Она совсем потеряла счет времени! Праздничное сияние погасло, и из зеркала на нее глянуло все то же испуганное, сжавшееся в комочек личико.

За удовольствия надо платить, – хлестнул внутренний голос. Но как же дорого приходится платить за то, что многим достается даром...

¹⁵ Платон мне друг, но истина дороже (лат.)

10. Хотэм-стрит

Серебристый смех влился в бренчание гитар, и изящная розовая фигурка спорхнула с веранды в облаке воздушных кружев.

– Ну разве она не прелесть, мистер Вейр? – спросила леди Марвуд, сияя, как начищенный чайник, материнской гордостью.

Утвердительный ответ (желательно пылкий, но в меру) был в этом случае единственно допустимым, хотя, положив руку на сердце, прелестью юная леди Имоджен являлась ровно до того момента, пока не раскрывала рта. Пара длинных передних зубов делала ее до того похожей на пасхального зайца с открытки, что хотелось соболезнующе опустить взгляд. Создатель определенно чувствовал себя виноватым, раз наградил девушку хрустальным голосом и жизнерадостным нравом.

– Мистер Вейр, идемте к нам! – прокричала она. – Труды затевает что-то любопытное.

Приём в саду перевалил уже за половину. Из круглой беседки, где расположился маленький струнный оркестр, доносились популярные мелодии. Осеннее небо было до самого горизонта обложено сероватыми рыхлыми облаками, и стоячий воздух, прозрачный и свежий, дышал запахом палой листвы. Сквозь кряжистые ветви виднелся пестрый цыганский шатер, натянутый посреди лужайки; у входа переминались, толкая друг друга и хихикая, две младшие дочери Марвудов. Что им наговорят сейчас в этом шатре, можно было примерно представить, а вот исход дня Джеффри взялся бы предсказать не хуже гадалки. Все садовые вечеринки проходят одинаково: чаепитие, музыка, беседы, – и в сегодняшней не было бы ничего интересного, если бы не леди Гертруда и явление, которое ученые называют эволюцией.

Как она посмотрела на него в самый первый его визит? Да, собственно, никак. Едва удостоила внимания. Но не прошло и трех месяцев – и бездонная пропасть разверзлась между той, прежней мисс Марвуд и той, что, по словам ее сестры, собиралась устроить сейчас «что-то любопытное».

Леди Гертруда затевала игру в прятки – это вызвало легкое недовольство ее отца и недовольство у остальных, но полностью оправдало предположения Джеффри. Стоя на лужайке, она что-то объясняла гостям – стройная, как античная колонна, в своем новомодном наряде. Бедная маленькая мисс Фоссетт не преувеличивала, назвав сестру мастерицей: платье выглядело так, будто было заказано в Париже, и сидело безупречно. Прямое, великолепного бирюзового цвета, который так шел к черным волосам и белой коже мисс Марвуд, оно не струилось, как у других, но обволакивало фигуру, следуя ее естественным линиям с почти бесстыдной точностью.

Его взгляд не остался незамеченным, и щеки Гертруды порозовели.

– Вы играете с нами, мистер Вейр? Или столь несерьезные забавы не для вас?

С вызовом спросила – даже, наверное, чуть более резко, чем хотела; ярко-красные пухлые губы вздрагивают от негодования пополам с волнением. Вот эта смесь всегда самая пленительная: гнев на то, что ты собираешься сделать, – и страх, что ты этого не сделаешь.

– Отчего же нет? – отозвался Джеффри небрежно.

– В таком случае вам водить, раз пришли последним. В доме не прячемся! – объявила Гертруда. – А вы ждите внутри и считайте до ста.

Тонкий пальчик, обтянутый лайкой, указал на дверь. Мисс Марвуд упивалась своим могуществом, и он, желая подыграть ей, без звука подчинился: приятно раздавать кредиты, когда уверен, что контролируешь должников.

– Что, вам не повезло, мистер Вейр? – сочувствующе обратился к нему сэр Родерик Марвуд, сидевший на веранде. – Не сердитесь на Труды: девицам часто ударяет в голову блажь. Хотя, между нами говоря, я бы разозлился на вашем месте.

– Ничего страшного, – улыбнулся Джеффри. – Пусть веселятся, пока юны и беззаботны. Вы и глазом не успеете моргнуть, как они станут важными дамами.

Прошло уже минут десять, но он не торопился, позволяя мисс Марвуд немного потопиться в ее убежище, которое она сама же и выдала ему в прошлый раз. «Если бы я вздумала играть в прятки в этом саду, лучшего места было бы не найти!». Досадно все же: такое нетерпение, такое прямое «да».

Полускрытая разросшимся кустарником дверца имела преимущество, в данном случае более важное, чем ее неброский вид: ни с веранды, ни со стороны лужайки нельзя было заметить, как туда кто-то входит. Раньше здесь, вероятно, находилась летняя кухня или деревянной сарайчик.

Дверь подалась легко и почти без скрипа. Джеффри аккуратно прикрыл ее за собой и лишь затем повернулся, чтобы встретиться глазами с мисс Марвуд.

– Попалась, – сказал он.

Слово угодило в цель с безукоризненной точностью: она отступила на полшага, и в тишине маленькой комнаты стало слышно, как у нее сбилось дыхание. Именно этот момент был главным – даже не то, что случится потом, а вот этот миг, когда с хрустом ломается гордость, казавшаяся всем, и в первую очередь ее обладательнице, несокрушимой. Острые льдинки ее взгляда – последнее оружие – растаяли, и темные глаза влажно вспыхнули от желания.

Джеффри сделал шаг, скользнул взглядом по лицу Гертруды, впитывая ее волнение. Белый лоб был покрыт капельками пота, на шее пульсировала жилка. Ниже, подхваченный цепочкой, лежал кулон: черный лебедь в сапфировом озере. Вариация Ванессы на тему Лалика.

Гертруда ответила на поцелуй с жадностью, которая подвела черту под ее поражением. Она сдалась слишком быстро, и Джеффри вновь испытал разочарование. Электричество, которым он успел зарядиться, быстро исчезло, и он не стал продолжать.

– Нас могут увидеть, мисс Герти, будьте же благоразумны.

Теперь ему предстояло покончить со второй частью этой дурацкой игры, но гулять в саду было все-таки приятней, чем лицезреть бездумное торжество мисс Марвуд. Голосок Имоджен звенел кондамайнским колокольчиком, на лужайке топталась в подобии вальса пожилая пара, и гитарист отбивал такт лакированным ботинком. Молодежь, заскучав, покидала свои убежища – все они согласились на игру из вежливости, даже флегматик Чарли с рыбьими глазами. Его отцом был один из богатейших скваттеров штата, и в этом доме юношу, разумеется, привечали. На Джеффри он смотрел свысока – вернее, *пытался* смотреть, поскольку был на голову ниже – в меру старательно увивался за Гертрудой и кротко сносил ее капризы и шпильки. К счастью, пронизательности за ним не числилось, так что истинные намерения мисс Марвуд, затеявшей прятки, остались для него тайной.

Многие гости были по-прежнему увлечены беседой, оркестр играл мелодию за мелодией, но к столикам уже никто не подходил, и юркие воробьи прыгали по белым скатертям, склевывая крошки от пирожных. Джеффри перекинулся словом тут и там, приласкал борода того терьера, любимца Имоджен, и, выбрав удобный момент, откланялся. Гертруда простилась с ним подчеркнуто формально, но ему это было на руку: меньше всего сейчас хотелось трогательных сцен.

Застоявшаяся Чайка охотно пустилась крупной рысью, едва они выехали за ворота. На Бридж-роуд можно было бросить поводья: лошадь сама знала дорогу и даже на развилке за мостом никогда не ошибалась. Воздух был по-прежнему тихим, но здесь, в рабочих кварталах, пахло иначе, чем в садах Восточного Мельбурна: дымом из труб, химикалиями металлопромышленных заводов. Только в этом городе бедные районы могут так тесно смыкаться с богатыми – в Лондоне он не замечал ничего подобного, хотя провел там почти три месяца. Этого, конечно, недостаточно, чтобы увидеть всё, но к концу запланированного срока ему так

осточертела холодная, слякотная зима, что не хотелось уже ничего другого, кроме как вернуться домой. Дела были сделаны: свадьба Роберта, паломничество в благословенную землю, к которой все они, жители бывших колоний, привязаны корнями. Их собственные корни тянулись на Сент-Джеймс-сквер, в трехэтажный особняк – не очень старый, говорила мама: около двухсот лет. Двести лет, господи боже! Скупой георгианский фасад, створчатые окна с железными ставнями. Они с Ванессой постояли в сквере, рассматривая дом – украдкой, как будто гордая фамилия его жильцов не имела к ним никакого отношения. «Пойдем отсюда», – сказал он наконец. Стоит ли жалеть, что этот дом никогда не станет для них своим? У них есть главное: кровь. Благородная кровь норманских рыцарей, приплывших в Англию с Вильгельмом Завоевателем. Её не купишь, не подделаешь. А что до имени – он всегда гордился своим, хоть и не был в родстве ни с Вере, ни с Девера¹⁶.

За рекой воздух снова стал чище, и рабочие лачуги уступили место каменным виллам и ухоженным садам. Отсюда было уже рукой подать до тихой холмистой улицы, над которой сплетали ветки старые, морщинистые платаны. В палисадниках щебетали птицы, из окон адвокатской усадьбы летели фортепианные гаммы, выбиваемые чьими-то прилежными пальчиками. Здесь, в сущности, можно было жить счастливо и без Лондона, хотя иногда он завидовал брату, так легко оторвавшемуся от родных берегов.

Ему пришлось самому открывать ворота: старый конюх, тугой на одно ухо, таскал мешки на заднем дворе. Ванесса сидела на веранде с книжкой. Охота же ей торчать тут в такую погоду, подумал Джеффри с неудовольствием; целыми днями взаперти: то в мастерской, то дома. А ведь в детстве ее невозможно было удержать на месте – тут же ускользала, словно угорь; и потом, в первые годы их жизни здесь, она часто ездила в поля, чтобы рисовать. До сих пор стоит перед глазами картинка: подпрыгивающий на кочках велосипед, маленький этюдник, привязанный к багажнику, упрямая, несгибаемая спина и летящий подол белого платья. Тетка твердила, что это возмутительно; отец раздумывал, не согласиться ли все-таки на художественную школу при Национальной галерее. А сам он считал этот образ, исчезающий вдали, вызовом смерти – ни больше, ни меньше.

– Хочешь, погуляем перед ужином? – спросил он, взойдя на веранду.

– Не знаю, – безразлично ответила Ванесса. – Может быть.

Был ранний субботний вечер, но дом казался необитаемым, как в будни; лишь в дальнем, кухонном его конце угадывалась жизнь. Насвистывая, чтобы разогнать тишину, Джеффри поднялся в свою комнату. Там, к его удивлению, обнаружился Эдвин: он сидел за столом, обложившись книгами, и что-то строчил в тетрадке.

– Перестань свистеть, – раздраженно сказал он. – Ты мне мешаешь.

– Так выйди, – отозвался Джеффри, снимая сюртук. – Дом достаточно велик для нас двоих.

Эдвин скрипнул зубами, но лезть в бутылку не стал и, собрав свое добро, демонстративно хлопнул дверью. Это было, по большому счету, глупо: задерживаться в спальне надолго Джеффри не собирался. Прикинув, что времени до ужина еще полно, он переоделся в костюм для прогулок и вышел из дома. Ванесса по-прежнему читала, сидя в плетеном кресле.

– Давай пройдемся, – предложил он уже настойчивей. – Скучно же все время сидеть. До ручья и обратно. Ну?

После недолгого раздумья она вздохнула и, закрыв книгу, протянула ему.

– Отнеси на место. Я пока оденусь.

Полумрак библиотеки разгоняла единственная настольная лампа, освещая разложенные учебники и хмурое лицо Эдвина. Джеффри нашарил на стене выключатель, зажег верхний

¹⁶ Согласно «Геральдике» Артура Фокса-Дэвиса (1871—1928), оба этих знатных рода – французский Vairé и испанский De Vera – носили на гербах беличий мех (vaigr).

свет и оглядел полки. Пустого места, однако же, с ходу не нашлось. Где, интересно, мог стоять этот Эдгар По? Чтобы скрыть замешательство, он снова принялся насвистывать: прилипчивый мотивчик всё никак не шел из головы.

– Ты что, нарочно? – выпалил Эдвин. – Готов бегать по всему дому, лишь бы испортить мне экзамен?

– Мне нет дела до твоих экзаменов, – сухо ответил Джеффри через плечо.

– А чего тогда пришел? Почитать захотелось?

– Представь себе.

– Да ты не знаешь, каким концом книги на полку ставятся!

Что это с ним сегодня? – недовольно подумал Джеффри. Развоевался не на шутку. Маленький наглец – сытый, высокомерный, весь в пурпуре и золоте¹⁷. Только вот чьими трудами эти пурпур и золото достались?

– Зато я знаю такое, о чем в книгах не пишут. И лучше тебе, Винни, поджечь хвост. Когда сидишь на пороховой бочке, надо быть осторожней с тем, у кого коробок.

Он подошел к столу, чтобы лучше видеть, как кровь отливает от нежной кожи, не знающей бритвы. Ошибка природы, жалкая пародия на мужчину.

– Вы чего расшумелись? – донеслось из-за неплотно прикрытой двери, и на пороге возник отец. – Не надоело еще?

– Его спроси, – кивнул Джеффри в сторону брата. – Он сегодня не в духе.

И, втиснув книгу на ближайшую полку, вышел навстречу Ванессе.

Господи, да настанет ли этому конец? – подумал мистер Вейр устало, возвращаясь в кабинет. Почему они постоянно ссорятся? В детстве ведь такого не было. Старшие дрались, конечно, но всё больше между собой, Эдвина не трогали. Когда все это началось? После смерти Эффи? Нет, позже... Подростком он стал вдруг обидчивым, вот тогда и пошли эти стычки на ровном месте.

При ней все было не так. Она умела усмирить детей, едва прикоснувшись к клавишам. Музыка их околдовывала – это у них от матери, такая восприимчивость. Что с ними стало потом? Несса – да, у нее талант, никуда не деться. Только из-за этого и приходится, скрепя сердце, держать ее в мастерской. Но при этом – совершенно несносна, будто не прививали ей хороших манер ни в школе, ни дома. Стыд один. Кто ее возьмет замуж? Музыку забросила: за инструмент не садилась уже лет пять. А сколько денег он стоил!

Самое ужасное – та ее компания из художественной школы. Как она однажды пригласила их в дом, и это было сущим кошмаром: вульгарные девицы, которые курили тайком и обсуждали темы, о которых порядочные женщины и думать постесняются. Конечно, он запретил ей с ними общаться – и разве он не был прав? Бедняжку Хильду чуть удар не хватил, когда они начали говорить о каких-то непристойностях прямо за обедом. Дороти себе не позволяла такого – всегда была послушна, скромна. Прислала вчера письмо; все жалуется на жаркий климат. Он, конечно, в чем-то перед ней виноват: очень уж пленительны были те черные опалы, найденные в Лайтнинг-Ридж. А мистер Крейг, владелец шахты, увидел Дороти и сказал, что никакие опалы не стоят такой красоты. Но она ведь сама согласилась на этот брак – без уговоров, без принуждения.

Сидя за столом, машинально листая бумаги, на которые давно не смотрел, мистер Вейр перебирал детей, как четки, словно надеялся вернуть былое, перечислив их и нанизав на нить той, прежней жизни. Роберт, Джеффри, Ванесса, Дороти, Эдвин. Но нить давно порвалась, они рассыпаются один за другим, и дом все холоднее с каждым годом.

Проклятый дом.

¹⁷ Имеются в виду цвета методистского Уэсли-колледжа в Мельбурне.

11. Флиндерс-стрит

Вереница кирпичных сводов уходила вдаль, вызывая в памяти бесконечный зеркальный коридор. Хотелось смотреть туда, не мигая: взгляд засасывало, точно воду в раковине. Так в детстве будоражил ее фантазию двор Сент-Джеймс-билдинг, увиденный через арку. В каменном прямоугольном колодце ей мерещился таинственный мир, в котором все не так, как в нашем. Однако стоило войти внутрь – и чудо исчезало. Это, наверное, сродни театру: из зрительного зала сцена, обрамленная с трех сторон занавесом, очаровывает и манит, а поднимись туда – и станет видна фальшивость декораций и кричащая яркость грима. Все дело – в отстраненности, в бархатной раме. В полумесяце белой арки, которая очеркивала заурядный двор, делая его волшебным.

Но сейчас за сводами не было ничего, кроме других сводов, и от этой пустоты хотелось поежиться.

Над головой загрохотал поезд, и опоры виадукта незримо задрожали. Это выдернуло Ванессу из оцепенения. Она перевела взгляд налево, где темнела речная вода и валил дым из паровозных труб. С этой верфи они всей семьей отправлялись на пасхальные экскурсии по заливу, но никогда прежде она не замечала этого странного, потустороннего места.

– Какого черта ты здесь делаешь? Я ведь просил ждать меня у входа.

Она повернулась к брату, не на шутку раздраженному, и почувствовала досаду оттого, что с ней обращаются, как с маленькой.

– Да что со мной могло случиться? Я хотела посмотреть на реку, вот и все.

Джефффри не ответил, и Ванесса, которую его недовольство тяготило, заговорила снова:

– Что там на таможне?

– Бардак, как обычно, – сухо сказал он. – Требуют еще каких-то бумаг.

Дальнейших объяснений не последовало, и они молча двинулись назад. Должно быть, Джефффри сердился на нее за то, что она не пошла на работу сразу, а увязалась за ним. Но так хотелось прогуляться не спеша по городу, которого она, в сущности, давно уже не замечала. С вокзала до мастерских и обратно, а в воскресенье дома, и лишь иногда – театр или концерт субботним вечером. И вот теперь она старалась припомнить: была ли здесь эта вывеска, эта реклама? «Роберт Рид Лтд». «Харрисон, торговец пробкой». Она ведь училась по ним читать, как по букварю; а сидя в поезде, до сих пор ловила взглядом бело-голубые таблички с расстоянием до чашки чая «Гриффитс».

Облака лежали низко – клочковатые, серые, как овечья кудель, и громада Австралийского дома цепляла их веретеном своей башни. Где-то там, в небе, без устали крутилось колесо, и Фригга пряла нить судьбы, не замечая, что город у нее под ногами одевается в траур. Витрины, одну за другой, затягивали пурпурно-черной тканью. «Король умер!» – кричали газетчики. Умер сибарит, гурман и щеголь, едва успев ослабить тесемки на корсете, который сковывал викторианцев с ног до головы. Что теперь с ними будет? Ванесса думала об этом отрешенно, будто с небес взирала на пожарище, хотя беднягу Берти ей было по-человечески жаль. Что до Георга – он помнился ей лишь маленькой фигуркой, одетой в военное, на далекой сцене Выставочного дворца. Торжественно открыв Парламент, он тут же отбыл; а она думала о том, что через несколько минут экипаж герцога проедет под окнами их гостиной – вот здесь, по Бурк-стрит. Как жаль, что нельзя было в один миг попасть домой и помахать будущему королю на прощанье.

За дверью черного хода они расстались, так и не сказав друг другу ни слова. Ванесса поднялась на третий этаж и заглянула в контору управляющего.

– Доброе утро, Отто, – сказала она. – Меня никто не искал?

– А, заходи, детка, – заулыбался немец, не без натуги выпрастываясь из-за стола. – Нет, никто не спрашивал. Ну-с, чем тебя одарить сегодня? Золотом, бриллиантами?

– Мне нужен лист серебра, я заказывала на той неделе. Ты принеси, пожалуйста, а я пока тут посижу.

Многим ей нравился Отто, но больше всего – тем, что он умел не задавать лишних вопросов. Вряд ли ему приходилось видеть собственную детскую, переделанную под контору, но он ни разу не удивился тому, что ей просто хочется побыть здесь.

Примостившись у окна, Ванесса вынула из сумочки письмо от Мюриель. Читать его в поезде она не стала, чтобы не выслушивать ехидных замечаний: Джеффри невестку не любил, считая некрасивой и дурно воспитанной. Ну и что с того? Зато она общительна, неглупа и всегда в курсе того, что происходит вокруг. Как узнаешь здесь, на краю земли, о выставках, о новых книгах? Пара английских журналов да письма Мюриель – вот и все ниточки, соединявшие ее с Родиной.

«У нас все зацвело, – жадно читала Ванесса. – Незабудки, которые я в прошлом году посадила, и ландыши, и твои любимые нарциссы под окном. Роберт очень занят в магазине. Дела идут хорошо: весь Лондон готовится к новому сезону, и украшения покупают охотно. Позавчера мы ездили в Брайтон, жили в той же гостинице у пирса – помнишь? Погода отличная. А у вас уже осень? Никак не могу привыкнуть к мысли, что вы так далеко».

Вошел Отто, и Ванесса, торопливо дочитав письмо, сложила его и спрятала обратно. Пора было приниматься за дело.

С листом серебра в руках она спустилась в мастерскую, отгороженную от остальных в дальней части второго этажа. Из-за двери доносилось щебетанье и смех молоденьких художниц, которые расписывали фарфоровые вставки для брошек; но стоило ей войти, как обе девушки, церемонно поздоровавшись, умолкли. Раньше это больно задевало ее. Наверное, будь она попроще и поживей характером, мастерицы приняли бы хозяйскую дочку в свой круг. Отто, заметив ее переживания, сказал: «Не грусти оттого, что ты одна. Это только воронье стаями летает». И Ванесса утешилась – не столько этой фразой, сколько тем, что добряк немец не считает ее несговорчивость достойной порицания.

Она сняла жакет, повязала кожаный фартук и села к верстаку. На чистой скобленной доске разложила инструменты; перевела бумажную выкройку на лист металла. Несмотря на опоздание, она могла не спешить, и это, должно быть, раздражало наемных работников. Пусть их. Ванесса сменила полотно на ювелирной пиле, и повеяло издали щемяще-сладкими звуками арфы, когда она тронула пальцем колючую струну. Мелкие зубчики быстро и точно вонзились в серебро, заходили ходуном, усыпая свой путь крупинками пыли, которую приходилось ежесекундно сдувать. Такая простая, в сущности, ремесленная работа: выпиленную заготовку молотком отбить, придав нужную форму; нагреть на горелке, вычистить до блеска. Но кто определит, где заканчивается ремесло и начинается искусство? Создавать красоту – разве это само по себе не достойно уважения? (Она взяла резец и, как с масла, принялась снимать кудрявую стружку с серебра, прорезая неглубокие извилистые канавки). Вот, скажем, обставить дом. Сколько она воевала с теткой, которая хотела набить их новую гостиную чудовищной викторианской безвкусицей. Все эти *очаровательные* мелочи на каминной полке, слащавые репродукции с собачками и розовощекими карапузами. Мама бы, наверное, лишилась дара речи, увидев такое у себя дома. А тетка обижалась до слез, когда ей пытались помешать. Жаловалась отцу, и голос ее дрожал: «Они меня ненавидят – все как один!» А им просто было очень тяжело в тот год. Невыносимо тяжело.

Отложив в сторону готовую пластинку, Ванесса вымыла руки и открыла шкаф, в котором хранились эмали. Кто-то скажет, что здесь и начинается самое главное – когда мастер берет в руки гусяное перо, заменяющее кисть. Но все это глупости, простительные лишь тем, кто сам не сделал ни одной вещицы. Она вернулась за верстак, расставила в ряд баночки с нужными

цветами и наполнила водой глиняную ступу. В комнате стояла тишина, лишь с улицы доносились цоканье копыт и тархтенье моторов. Простые, будничные звуки, словно король был по-прежнему жив. Девять лет назад (она бросила в ступу кусок эмали и стала толочь его) все было иначе; даже лошади, казалось, ходили на цыпочках. Сама она не проронила ни слезинки – ни слезиночки, возмущалась тетка. Неужели тебе, милая, не жаль нашу королеву? А ее уже тогда тошнило от сентиментальности, и траурная повязка жгла руку. «Ни за что я не надену траура по тому, кого не любила», – сказала она. Легко быть дерзким и бесстрашным – в пятнадцать-то лет.

Когда все цвета были разложены по чашкам, она вооружилась заточенным пером и стала наносить жидкую пасту на серебро, покрывая ею гравированный рисунок. Она любила прозрачные эмали, сквозь которые просвечивала фактура металла, словно каменистое дно под толщей воды. Вот так. Теперь можно наконец размять ноги и сойти по лестнице во двор, где пылает жаром литейный цех.

– Собрались коптить стеклышки? – поинтересовался мастер-переплавщик, прислонив к стене угольную лопату.

– Прости?..

– Вы разве не будете смотреть затмение?

Затмение! Она совсем забыла про него, с этим королем, с письмом и всем, что так дружно свалилось на нее сегодня. Но ведь это только в три! В три часа одиннадцать минут и четыре секунды – она специально заучила. Еще уйма времени.

Ванесса подождала, пока мастер поднимет температуру в печи, и ухватом сунула в раскаленное жерло свою будущую брошь. Теперь оставалось только довериться чутью. Она уже не боялась, как когда-то, испортить эмаль. Все просто: сперва крупинки плавятся, и поверхность становится похожей на апельсиновую корку; а потом она разглаживается и начинает блестеть. Еще минута – и все.

Оставив брошь остывать, Ванесса вышла во двор и озабоченно взглянула на небо. Целая армада облаков собиралась над городом, угрожая солнцу. Что за несправедливость: не увидеть затмения только потому, что капризной мельбурнской погоде вздумалось испортиться! Она вернулась в мастерскую, но думала теперь только о солнце – пока наносила второй слой эмали, пока обжигала. Отчего-то загадилось, само собой, что если она увидит затмение – быть ей счастливой. Не то чтобы она верила в такие приметы; скорее, играла в них, еще с юности. Но где-то в глубине души сидело странное чувство, будто судьба ее в самом деле зависит от того, что произойдет сегодня.

Ей удалось закончить брошь до обеда и присоединиться к Джеффри – вновь повеселевшему, словно бы и не было утреннего похода на таможню. Они заняли свой неизменный столик в «Кристалле», откуда видны были два огромных зеркала на противоположных стенах. В каждом из них отражался пышно украшенный обеденный зал с фонтаном и хрустальными люстрами, льющими электрический свет с высокого потолка.

– Помнишь мисс Фоссетт? – спросил Джеффри, когда официантка, приняв заказ, отошла. – Ну, мы обедали с ней в кафе «Париж». Тетка пригласила ее к нам на эти выходные. Надеюсь, ты не против?

Ванесса пожала плечами. Одно время тетка пыталась подсунуть ей то чью-то дочку, то племянницу, но все они оказывались непроходимыми тупицами. Хотя эта, кажется, – знакомая Джеффри. Неважно.

Она по-прежнему думала о солнце и на протяжении всего обеда молчала, рассеянно глядя в пол, выложенный разноцветной плиткой. Вернувшись в магазин, тут же села рисовать, но без особого желания; часто прерывалась, смотрела в окно, с надеждой встречая каждый проблеск, который обострял цвета и устилал мостовую тенями. А потом все опять бледнело, будто улицу

припорошили пеплом. Из коридора доносились голоса мастеров, и Ванесса невольно прислушалась: обсуждают затмение? Смерть короля?

– Не пройдет у них номер, – горячился один из сборщиков, новенький. – Ишь чего придумали! Какой прок от выходного посреди недели?

– Я сам голосовал за субботу, – поддакивал Тони, лучший отцовский оправщик. – Но, видно, у мясников какие-то свои выгоды.

Ванесса усмехнулась: этих людей больше всего волновал перенос выходного.

В три часа она оделась, взяла припасенное заранее стеклышко и вышла на Бурк-стрит. Там уже толпился народ; все, запрокинув головы, смотрели в небо. Магазинные служащие облепили окна вторых этажей, как на праздновании Дня труда. Люди галдели, какая-то дама спросила у соседа: «Это не опасно?». Облака сбились стадом, как упрямые бараны, и солнце, подернутое дымкой, золотило пышное руно на их спинах. По правде говоря, это были очень красивые облака; но разве могли они сравниться с затмением?

– Солнце не скроется целиком, – авторитетно объяснял джентльмен в мягкой фетровой шляпе. – Полное затмение будет только на Тасмании.

– Шиш им с маслом! – ввернул молодой рабочий в кепке, сдвинутой на самый лоб. – Я в газете видел: там тоже все в тучах. Эй вы, тучи! – гаркнул он. – А ну проваливайтесь!

Он приставил к глазу пивной стакан на манер подзорной трубы, хотя мог бы этого и не делать: слоистое облако, тонкое, как птичье веко, безнадежно затянуло солнце.

– Обидно, правда? – раздался над ухом голос Джеффри.

Ванесса обернулась и только теперь обнаружила, что никто не работает. Мастера торчали из окон, Фредди стоял на пороге магазина, якобы охраняя вход. Тут по толпе пробежал рокот, и она, встрепенувшись, подняла голову. На край мутного диска медленно напозала лунная тень.

– Эй, кто-нибудь, очистите уже небо! – вновь возмутился рабочий в кепке.

Словно разбуженные его гневом, облака ожили, и через несколько минут птичий глаз скрылся полностью. Толпа разочарованно засвистела, как в кинематографе, когда картина ни с того ни с сего прерывается, однако расходиться не спешила. По мостовой катили трамваи, проезжали мимо велосипеды, дрожки – улица пыталась жить по-прежнему, но ритм был уже сбит, и в воздухе висело ожидание. Как глупо, огорченно думала Ванесса; как глупо играть спектакль с опущенным занавесом. Там, за облаками, черная тень пожирала солнце, а здесь становилось немного темнее, только и всего.

На почтамте пробило четыре. Сумерки уже сгустились так, что в магазинах стали зажигать лампы. Зрители неприкаянно топтались на месте, курили и обменивались натужными шутками. Над морем шляп и кепок то и дело выныривал белый плавник полицейского шлема: искали карманников. И вдруг – о чудо! – расступились облака, и показался узкий серп, истекая бледным, неживым светом. Он таял на глазах, и было сладостно-жутко думать о том, что еще немного – и город утонет во тьме. Где-то залаяла собака; медленно, словно катафалк, проехала телега, и сердце замерло, готовое к кульминации.

Но тут появилось серое облако, и под негодующие крики толпы полумесяц исчез – будто шторм задержал. Все кончилось. Сразу стали видны горящие фонари и десятки лиц, все еще с надеждой обращенные вверх. Одна только Ванесса знала, что дальше ждать нечего. Наверное, это можно было предположить с самого начала. На что она рассчитывала? Глупо, ужасно глупо.

Она ушла обратно в мастерскую и долго еще размышляла, стоя у окна, о своем прошлом, в котором было так много, и о будущем, с которым оставалось только смириться.

А небо, конечно же, расчистилось – потом, когда на него уже никто не смотрел – и обнаженное светило, шипя, погрузилось в холодную воду доков.

12. Станция «Ист-Кэмбервелл»

Чемодан, сумочка, одна шляпная коробка, другая – кажется, все на месте. Коренастый парнишка, который помог ей вытащить багаж из вагона, шутливо взял под козырек и запрыгнул обратно. Поезд ухнул, свистнул так, что заложило уши, и тронулся, оставив ее на незнакомой полупустой платформе в деревенской местности. За станционным штaketником высились купы деревьев, а дальше, насколько хватало глаз, стелились луга, синяя к горизонту.

Едва стихло пыхтение паровоза, как в воздухе – свежем, загородном, с ароматом палой листвы – тоненько запищало. Безыскусная песенка доносилась из придорожных кустов, и радовало бы это простое умиротворение, но пасмурно было на душе. Агата отпустила ее с неохотой, не скрывая, что не одобряет ее дружбы с Вейрами. Сколько раз перечитано было письмо, в котором мисс Хильда, тетушка ювелира, приглашала Делию погостить в Эйнсли-хаузе; недоверчиво всматривалась Агата в строчки, выведенные нетвердой, явно старческой рукой, тербила беспокойно ленточку на воротнике. Долго думала, не давала ответа, и, когда наконец разрешила поехать, лицо ее было усталым, словно борьба с собой отняла все силы. Сдержанное, молчаливое осуждение угнетает не меньше окриков, и не смеешь дома головы поднять, чтобы не столкнуться взглядом с наполненными тревогой глазами сестры – родного человека, которому невольно причиняешь боль.

– Мисс Фоссетт, – окликнули из-за спины, и Делия вздрогнула: она не думала, что услышит этот голос здесь, на платформе. – Простите великодушно за опоздание; надеюсь, вы еще не начали волноваться? Там, знаете, коров перегоняли через дорогу – в нашей глуши это не редкость.

Обычная его легкость быстро передалась ей, как тогда в кафе, и, принаравливаясь к его широкому шагу, Делия уже болтала обо всяких пустяках: о дороге, о погоде – удивляясь собственному красноречию и тому, как быстро улетучились все ее печали.

– Мне очень неловко, что вам пришлось ехать сюда самому, – сказала она, когда вещи были погружены в коляску. Чем еще ответишь на заботу?

– Какие, право, пустяки, – отозвался мистер Вейр, разбирая вожжи с тою же уверенностью, какая была присуща всему, что он делал. – Мне только в удовольствие – я люблю ездить. Да и вам, думаю, приятней увидеть в чужой местности человека знакомого.

Это было правдой, и оставалось лишь снова подивиться, откуда он все знает. Коляска покатила мимо высоких заборов, увитых зеленью, и оград пониже, за которыми виднелись аккуратные домики и сады, где горели лиловым и карминным осенние камелии. Нередко попадались внушительные особняки, с башнями на манер рыцарских замков или с коваными ажурными решетками балконов.

– Это хорошее место, – заметил мистер Вейр, перехватив ее взгляд. – В высшей степени респектабельное. На этой улице живут адвокат и дантист, чуть дальше – архитектор, инженер и какой-то промышленник.

В голосе его не было ни хвастовства, ни нарочитой небрежности; было что-то другое, но она не успела разобрать: Чайка перешла на шаг, а кто-то – конюх ли, садовник – уже держал распахнутыми беленыя ворота.

Коляска въехала во двор и, обогнув круглую лужайку с растущей на ней сосной, остановилась перед двухэтажным домом. В первый же миг он покорила Делию. Темнокирпичные стены оттенялись белой баллюстрадой веранды и резными карнизами: точно деревянные кружева, вились они под крышей, легкими занавесями обрамляли фронтоны. А как необычна была арка над крыльцом, почти круглая, смело вписанная в эту искусную столярную вязь! Выбравшись из коляски, Делия ступала, будто во сне, любуясь высокой изломанной крышей из терракотовой черепицы, с длинными печными трубами; на одном из коньков сидел глиняный дракон.

– Добро пожаловать!

Она смешалась: как невежливо было пялиться, не замечая ничего вокруг! – и перевела взгляд на веранду – именно оттуда донесся густой рокошующий голос. Принадлежал он пожилому кругленькому джентльмену в полосатой тройке, которая делала его чуть-чуть похожим на шмеля.

– Лесли Вейр, к вашим услугам, – отрекомендовался он с полушутливым поклоном. – Я смотрю, вас заинтересовал дом?

– В жизни не встречала ничего удивительнее, – призналась Делия.

– Да вы ценитель архитектуры! Ну, заходите, там вас очень ждут.

За дверью с изящным окошком цветного стекла (по нему ползли, как живые, алые выюнки) находился просторный светлый холл. На столике в углу, рядом с подносом для визиток, стоял телефонный аппарат. Узорчатая ковровая дорожка вела куда-то вглубь дома, и по ней уже топотал давешний слуга с чемоданом и картонками в руках. Из соседней комнаты выбежали две большие собаки, длинноногие и остромордые: одна белая с рыжими пятнами, другая – с черными тигриными полосками на палевой шкуре.

– Не бойтесь, – прогудел хозяин, – они людей не кусают.

Деликатно обнюхав руку Делии, собаки вернулись в комнату; за ними последовали остальные.

– Здравствуйте, моя дорогая! – воскликнула, поднимаясь из кресла, пожилая сухонькая дама с очками на птичьем носике. – Надеюсь, вы хорошо добрались? Мы здесь живем почти в глуши – трамвай все никак не проведут, а железная дорога так ненадежна... Вот тут вам будет удобно. Как поживает ваша сестра? Бедняжка, я очень ей сочувствую...

Мисс Вейр суетилась и трещала без умолку, и Делия едва могла вставить слово. Кивая и улыбаясь хозяйке, она украдкой рассматривала гостиную, решительно непохожую на все, что она видела до сих пор. Выложенный майоликой камин скромно ютился в углу, вместо того чтобы создавать собою парадный центр, как было в их родительском доме. Полукруглый эркер с витражным окном отделялся от комнаты деревянным карнизом, какие украшали дом снаружи. Не было тяжелых портьер, пестрых обоев и обилия безделушек, которые и составляют самую атмосферу гостиной – фарфоровых статуэток, оленьих рогов. На бледно-оливковых стенах висели семейные фотографии и наградные дипломы в рамках; в углу, напротив пианино, стоял граммофон с ярко начищенной трубой, а рядом – что-то высокое, в полотняном чехле. Важно качался маятник часов; массивные, темного дерева, они одни нарушали воздушную легкость этой гостиной.

– А вот и Эдвин, – объявила мисс Вейр. – Почему ты так долго? Вечно вас всех не дозовешься; ну, познакомься же с мисс Фоссетт.

Долговязый юноша с золотисто-русой головой поприветствовал ее, явно смущаясь, и замер в напряженной позе на краешке дивана. Остальные мужчины уже покинули комнату, за ними ушли и собаки. Хозяйка вновь начала болтать, и Делия поддерживала беседу, как могла, втайне жалея застенчивого молодого человека, который, должно быть, очень скучал в дамской компании. Он казался умным, а лицо его, с тонкими, деликатными чертами, было приятным и философски-задумчивым. Наверняка с ним было бы интересно поговорить, да только вряд ли он обратит на нее внимание. Серьезные мужчины часто избегают женского общества, им неинтересны сплетни и флирт. Адриан был таким – весь в науке и поэзии, трудолюбивый, целеустремленный...

В воздухе вдруг разлилось благоухание, а вслед за этим лицо мисс Вейр, обращенное к дверям, вытянулось и побледнело.

– Бог мой, Ванесса, в каком ты виде!

Делия обернулась – и едва не вскрикнула от изумления. Где, когда она видела этот образ? Лилейно-белое платье свободного покроя, какие носили в средневековье; рассыпавши-

еся по плечам волосы (верхние пряди она заплела и уложила вокруг головы); в руках – букет из желтых нарциссов.

– Ты с ума сошла, у нас ведь гости! – простонала мисс Вейр.

– Я принесла цветы, – спокойно сказала Ванесса. – Добрый день, мисс Фоссетт.

Хозяйка все еще продолжала причитать, одновременно гневно и жалобно, но Делия не слушала ее. «Как она прекрасна!» – жарко билось в висках. Леди из Шалота – вот кто она! Волосы, платье, и что-то нездешнее во взгляде... И сколько нужно храбрости, чтобы вот так войти в парадную гостиную! Не дрогнув, выдержать упреки; поставить цветы в вазу – и удалиться, тихо, словно призрак, оставив лишь сладковатый аромат. Быть особенным нелегко – это знает каждый, кто хоть раз пытался нарушить установленный порядок. Но Ванесса несла эту необычность с тем же величавым достоинством, с каким держала свою светлую, с венцом из кос, голову на длинной шее. Рядом с ней хотелось стать мужчиной, прекрасным рыцарем, чтобы посвящать ей поэмы и побеждать на турнирах.

– Нет с ней никакого сладу, – уголки дряблого рта страдальчески опустились, голос задрожал; но, к счастью, появилась смешливая молоденькая горничная и позвала их пить чай.

Столик был накрыт на веранде, обращенной в сад. Истончившиеся лучи пробивались сквозь желтую листву, и Делия вдруг поняла, что еще не видела здесь, в Мельбурне, такой яркой осени, какая всегда завораживала ее в ущелье Водопадов. Там сейчас пламенеют деревья, и бежит по озеру рябь, сминая безупречный портрет лесистых скал и хрупкого моста между ними.

– О чем задумались? – обратился к ней хозяин, позвякивая ложечкой в своей чашке.

– Здесь хорошо... осень.

– А мне так не по душе этот холод, – пожаловалась тетушка. – Не могу представить, как вы мерзли у себя на Тасмании... Кстати! Удивительная новость: встретила позавчера у Ламбертов милейшую миссис Хиггс. Её дочь уже год как замужем за очень богатым мануфактурщиком из Хобарта! Ты помнишь Мэри Хиггс, дорогая? Она же училась вместе с тобой. Вот уж повезло так повезло!

– Я плохо ее помню, – сказала Ванесса, на которую новость, казалось, не произвела ни малейшего впечатления. – Она училась на класс старше. Мы пару раз встречались в дискуссионном клубе, но ей там быстро надоело.

– В дискуссионном клубе?

Этот глупый вопрос вырвался у Делии сам собой – до того ее поразила чужеродность серьезного, «мужского» слова в легкомысленной беседе. Выпалив свою реплику, она раскаянно притихла под испытующим взглядом Ванессы, которая будто бы только что ее заметила.

– Ну да, школьный клуб, где обсуждают разные вопросы – к примеру, женское равноправие. Или китайскую угрозу. Что вы думаете о китайской угрозе, мисс Фоссетт?

Льдистые глаза чуть прищурились, и читалось в них спокойное, лишённое сочувствия любопытство.

Какое счастье, что этот вопрос не застал ее врасплох! Отвечать на него Делии еще не приходилось, но мнение на этот счет у нее было – пусть не вполне твердое, но обдуманное не раз.

– Мне кажется, что опасность и в самом деле существует, потому что если китайцы захотят напасть – мы не сможем с ними справиться. Ничто не помешает им высадиться у наших берегов, прорвать оборону – их ведь гораздо больше. А потом они захватят города... Бесплезно прятаться в своих домах или за стенами церквей, осаду не удержать – все равно победа будет на их стороне, а нам ничего не останется, кроме как уехать в Англию...

– Боже правый, вы что, читали «Битву при Мордиаллоке»¹⁸?

¹⁸ «Битва при Мордиаллоке» (1888) – патриотический памфлет, написанный в форме художественного произведения. В основе его сюжета – захват Австралии объединенной армией России, Китая и Японии.

Смех Ванессы стегнул ее, точно кнутом, и она закусила губу от обиды. Что забавного в этой тоненькой книжке с кроваво-красной обложкой, на которой нарисован убитый кавалерист? Разве она плохо написана? Разве Адриан не сидел над ней, не обсуждал потом с друзьями? Конечно, она стащила эту книжку при первой же возможности! Страх сковывал сердце, когда она тайком читала «Битву», вложив ее в середину учебника по французскому. А когда в конце один из героев умирал на руках у своей невесты в день, назначенный для свадьбы, невозможно было удержаться от слез.

– Ты несносна! – воскликнула мисс Вейр, метнув на племянницу сердитый взгляд. – Можешь ты хотя бы за столом не говорить о политике? Меня прямо в дрожь бросает, когда я слышу эти ужасы.

Делия поспешно извинилась, удрученная тем, что невольно расстроила пожилую даму. Остальные же будто не обратили внимания на произошедшее. Долговязый юноша был погружен в себя, его брат старательно прятал улыбку в усах, сама же Ванесса, казалось, уже забыла о своем вопросе. Глаза ее, странно расширенные, устремлены были в пустоту. О чем она думала сейчас, что рисовала в воображении? Волосы, подсвеченные солнцем, золотились тоненьким нимбом над ее головой, и обида растаяла, сделавшись мелкой и нелепой. Она не со зла – произошло в голове, и стало легко, как всегда бывает, когда от души прощаешь.

После чая вернулись в гостиную. Хозяйка взялась за спицы, а хозяин начал показывать Делии содержимое застекленного шкафчика, который она поначалу не заметила. Это все, объяснил он, работы, получившие призы на выставках. Вот этот письменный прибор – чернильца, подставка для ручки, нож для разрезания бумаги – получил золотую медаль на выставке восемьдесят восьмого года. Он сделан из южноавстралийского малахита – это очень красивый и при этом податливый камень, настоящая находка для мастера. Смотрите, как он сияет, если его хорошо отполировать! А эти каминные часы – из агата. Он бывает разных цветов: белый, голубой, коричневый... А вон вазочка – давайте я покажу ее поближе, вам наверняка понравится. Она нефритовая, а жуки, которые на ней сидят, – настоящие, из лесов Западной Австралии. Их называют златками – видите, какие они красивые: блестят, точно золотые.

– Вы просто художник, – прошептала девушка, тронув пальчиком вазу почти что с благоговением. – Этот камень так к ним подходит – гораздо больше малахита, хотя они оба зеленые. Его оттенок сразу напомнил мне лес: это цвет мхов и папоротников.

– Именно! – воскликнул мистер Вейр. Его охватило воодушевление, захотелось показать еще и эту работу, и вон ту... А каждая тянет вереницу воспоминаний. Взять хотя бы опаловое яйцо. Закрой глаза – и встанут, будто и не было этих тридцати лет, высокие своды Выставочного дворца. Гулко отдается от стен голос достопочтенного мистера Кларка, и сто человек хористов стоят, ожидая взмаха дирижерской палочки. А потом, когда отгремела музыка, все поднялись на крышу, откуда видна была далекая вершина Данденонга. Эффи взяла его за руку и, придвинувшись поближе, горячо шепнула в самое ухо: «Смотри: весь город лежит у твоих ног!» Тогда это показалось ему, дерзкому, пророчеством, но Левини, должно быть, удалось втихомолку забраться еще выше – на самый купол.

И все-таки это хорошая работа! Не зря гостя не может отвести глаз. Сказочный камень – опал: вон как вспыхивают разноцветные искры в молочно-белой глубине.

– Какой он большой... По размеру, наверное, как настоящее яйцо ему!

– Ну, разве это большой, – возразил Джеффри. – Они бывают значительно крупнее, и таких булыжников на месторождениях – как грязи. Пару лет назад кто-то купил огромный синий опал – как потом оказалось, самый большой в мире – у одного квинслендского шахтера. Знаете, что он с ним делал? Швырял в соседскую собаку!

– Не может быть! – изумилась Делия. Хозяин подтвердил кивком: да, мол, бывает всякое. Маленькие острые его глазки смеялись. Какой он чудесный, подумалось вдруг, и душа

наполнилась теплом; какие они все чудесные. Надо обязательно рассказать Агате, чтобы она не волновалась больше. Нельзя во всем сомневаться, вечно ожидать от людей дурного. Если бы она только могла побывать здесь, окунуться в атмосферу этого дома... Делия вновь обвела взором гостиную, ее лепные потолки, фотографии на стенах. С одной из них смотрела женщина, очень хорошенькая, с темными кудрями и тем самым озорством в глазах, какое мелькало иногда у молодого мистера Вейра. Внезапная догадка отозвалась минором в радостном прежде, приподнятом течении мыслей. Да-да, она была здесь – подсказало что-то внутри; и смеялась, и трепала ласковой рукой рыжеватые и русые вихры, много лет назад; и, возможно, пела, сидя за пианино, рядом с которым стоит высокий угловатый предмет, обтянутый тканью.

– Рассматриваете арфу, мисс Фоссетт? Любите музыку?

Она обернулась. Молодой ювелир смотрел на нее, скрестив руки на груди, – смотрел без улыбки, выжидательно, как Ванесса, когда спрашивала о китайской угрозе.

– Да, очень люблю.

– Уже бывали в Мельбурне на концертах? Нет? А зря – тут часто выступают хорошие оркестры. И вдобавок начался органнй сезон – каждый четверг доктор Прайс играет в зале мэрии.

– Вы должны непременно послушать Нессу! – встряла мисс Вейр. – Где она, кстати? Инструмент стоит без дела уже целую вечность, а ведь она так славно играла, гостям всегда очень нравилось. Мэгги! Софи! Куда все подевались? Джеффри, поди найди сестру, я тебя прошу.

– Несса должна быть в саду, – отозвался он лениво, но не тронулся с места. – Она хотела побыть на воздухе: у нее болела голова.

Старая дама метнула на него молнию сквозь очки, и Делия, желая предотвратить бурю, встрепенулась:

– Не волнуйтесь, я схожу за ней.

– По коридору и налево, милая! – крикнула ей вслед хозяйка.

С боковой веранды открывался вид на фруктовый сад. Земля тут имела заметный уклон, и лужайки нисходили каскадами, упираясь в живую изгородь. В середине склона видна была купальня для птиц и солнечные часы на простом каменном постаменте, а еще ниже белела скамейка с сидящей на ней одинокой фигурой.

Делия несмело приблизилась, не зная, что сказать: теткина просьба могла прозвучать в ее устах не очень-то вежливо, и она мысленно выбрала себя за навязчивость. Ванесса сидела без шляпки, склонившись над альбомом для рисования; толстый томик, обернутый бумагой, лежал подле нее. Услышав шорох, она обернулась, помедлила и молча передвинула книгу к себе. Делии ничего не оставалось, кроме как принять это сдержанное приглашение. Она присела рядом и, не в силах побороть любопытство, краем глаза заглянула в альбом. Несколькими уверенными карандашными росчерками на листе был обозначен женский профиль с длинными ресницами.

– Это будет камейка, – сказала Ванесса, не поднимая головы.

Делия промолчала: слишком живо было воспоминание о сцене с брошью-лирохвостом. Разговор ей, однако же, хотелось поддержать.

– Вы, оказывается, еще и на арфе играете...

– Не играю, – сухо ответила девушка. – Почти со школы. У нас в доме редко звучит музыка с тех пор, как умерла мама.

В горле встал комок. Захотелось – до отчаяния – сказать что-то очень теплое, обвить словом, как руками за шею; иногда ведь достаточно простого «Я с тобой», чтобы стало легче. Но нужные слова не шли, и пугала мраморная неприступность Ванессы.

– Простите, – только и смогла вымолвить Делия. Затем, чуть приободренная благосклонным молчанием, прибавила: – Я понимаю, что вы чувствуете: моя мама тоже умерла. Правда, я тогда была совсем маленькой...

Карандаш затих в длинных пальцах, словно задумавшись, и принялся рассеянно вычерчивать волны и петли.

– Знаете что: не читайте больше памфлетов, – сказала она вдруг. – У нас много книг, я покажу вам. Выберите, что захочется.

Растроганная этим проявлением участия, Делия улыбнулась и кивком показала на книгу, лежавшую рядом:

– А эту можно посмотреть?

– Смотрите, – ответила Ванесса и вернулась к рисованию.

Увесистый том с готовностью раскрылся на заложенной странице. Это была черно-белая иллюстрация. На фоне солнечного диска, окруженного тучами, сидел мужчина – без одежды, с длинными седыми волосами и бородой, летящей по ветру. В руке он держал громадный циркуль, словно хотел измерить землю. Рисунок был красивый, в нем чувствовалась гармония и мощь, исходившая от склоненной фигуры и грозных туч вокруг. Должно быть, художник изобразил греческого бога – Зевса, наверное? Делия провела пальцем поперек обреза, чтобы отыскать еще вклейки с картинками. Их оказалось много, и все мифологические: крылатый старец над распластанным телом, обвитым змеей; человекоподобное чудовище, при виде которого она вздрогнула и быстро перелистнула страницу. Но больше всего ее поразила одна картина, полная боли и ужаса. Обнаженный человек, истошно крича, бежал прочь; женщина за его спиной склонилась над бездыханным телом, а мужчина смотрел вслед беглецу, не то прогоняя его, не то прося вернуться.

– Это Уильям Блейк, – сказала Ванесса тихо.

Что-то странное было в ее голосе – непохожее на обычную ее манеру говорить и в то же время очень знакомое. Но лишь спустя несколько мгновений Делия вспомнила, где она слышала эти интонации. Так говорила она сама – мысленно – когда представляла, что кто-то спрашивает ее: «Кто написал эти великолепные стихи?». И тогда она, преисполнившись гордости, слитой с грустью, отвечала: «Мой брат».

13. Здание мэри

До начала оставалось еще целых двадцать пять минут – за это время вполне можно было умереть со скуки. Уже вдоль и поперек прочитана программка – Сен-Санс: Первый фортепианный концерт; Римский-Корсаков: «Шехерезада», симфоническая сюита в четырех частях. Уже выслушаны с ангельской улыбкой все неуклюжие комплименты Чарли – бедняжка, он явно чувствует себя не в своей тарелке. Люси божится, что слышала, как он кому-то говорил: «В концертах нет смысла – ведь заранее ясно, чем все кончится; вот крикет – другое дело». Может, она все и выдумала, но от этого веселее с ним не становится. А семейство только и трещит что о комете Галлея: что будет, когда Земля пройдет через её хвост? Как будто больше не о чем поговорить.

Гертруда подалась к перилам балкона и, вытянув шею, в который раз принялась рассматривать толпу в партере. Десятки непокрытых голов склонялись над программками и кивали в приветствиях; вспыхивали драгоценности, белели обнаженные дамские ручки, поигрывающие веерами, и чернели среди разноцветья нарядов мужские фраки. Один из них вдруг показался ей знакомым: выделяясь в толпе, как легконогая английская лошадь среди битюгов, шагала по проходу высокая фигура. Каштаново-рыжие волосы, неотразимая элегантность, какой нельзя научиться – только приобрести от рождения... Но ведь мистер Вейр не собирался на этот концерт! Когда она, желая его поддразнить, обронила, что с ними будет Чарли, он только и сказал: «Вот как?» Гертруда откинулась на сиденье, разочарованно и растерянно. Зачем он пришел? Может, и в самом деле почувствовал себя уязвленным и решил ей отомстить? Ведь с ним, кажется, были спутницы...

– Дайте мне, – она требовательно протянула руку к биноклю, и Чарли без звука повиновался. Приложившись к окулярам, она долгих несколько секунд рыскала по толпе, пока наконец не нашла их, уже сидевших в середине ряда. Спутниц было две; та, что в белом платье, оказалась его сестрой – Гертруда пару раз видела ее в опере и даже немного разговаривала; другая же, в бледно-горчичном, смутно напоминала кого-то. Но кого? Не робкую ли племянницу миссис Уайт на последнем приеме? Нет, та была постарше... Проклятье, такие бесцветные лица никогда не запоминаются! И что только мистер Вейр нашел в ней?

Она опустила руки с биноклем на колени и нахмурилась. Что же делать? Спуститься к ним под руку с этим увальнем, показать, что ей все равно? Нет, там мисс Вейр – она может так съязвить, что трудно будет сдержаться и не выдать себя. Гертруда вновь жадно прильнула к биноклю, и сердце у нее защемило: он улыбался этой блеклой девице! Ах, как он улыбался! Она, кажется, что-то рассказывала – виден был только темный затылок – потому что время от времени мистер Вейр кивал, не сводя с нее заинтересованного взгляда.

Он чуть подался вперед, словно плохо расслышал ее слова.

– Коррики? Вы говорите о той семье, где все играют и поют?

– Да, – сказала Делия. – Вы тоже на них ходили?

– Еще бы! Они молодцы, делают настоящее шоу. У вас ведь они тоже показывали слайды?

– Да, про морской флот, а еще всякие смешные картинки. Но больше всего мне понравилась музыка!

Что это был за вечер! Восемь лет прошло, а все помнится, как вчера. Зал Института механики, ярко освещенный электрическими лампами, набился битком – многие даже стояли. Еще бы: премьера! Это была огромная удача для нее – попасть на премьеру. Даже на обычные концерты они выбирались редко, разве что на выступления «Тасманийского соловья»¹⁹,

¹⁹ «Тасманийским соловьем» называли певицу Эми Шервин.

которые любил отец (мистер Вейр понимающе улыбнулся). А Коррики были поистине великолепы! Что они только ни исполняли: оркестровые пьесы, сольные номера, романсы и шуточные песенки. А три сестры и брат вместе станцевали настоящий танец шотландских горцев!

– Мне кажется, они такие счастливые, эти девочки Корриков: быть одаренными, жить в такой дружной семье, вносить свой вклад в общее дело... Знаете, я всю жизнь мечтала быть музыкантом.

– Но вы, кажется, говорили, что хотели стать врачом? – заметила Ванесса. – Даже латынь учили.

Делия смутилась.

– Да, это тоже было...

Она почувствовала, как краснеет, и поспешила сменить тему.

– Какой здесь зал красивый! В нашем Альберт-холле он куда скромней.

В самом деле, зал был роскошный. По трем стенам тянулись балконы, а в торце имелась еще и обширная галерка. Узорчатый потолок мягко скруглялся по бокам, сквозь окна вверху темнело вечернее небо. Позади сцены высился орган, похожий на сияющий дворец: его трубы венчались чем-то вроде островерхих крыш. Оркестр уже рассаживался вокруг черного лакированного рояля, и инструменты, то один, то другой, подавали голоса: вот заворчал по-стариковски фагот, загудели валторны; скрипка полоснула воздух – раз, другой – и зашлась в скороговорке стаккатных нот. Все это наполнило Делию радостным волнением, какое бывает в канун Рождества. Хотелось подольше наслаждаться этим предвкушением чуда: не срывать испуленно ленты со свертка, а развязывать их медленно, по одной, с замиранием сердца слушая, как шелестит бумага. Но вот уже протяжное «Ля» гобоя положило конец общей какофонии, и оркестр послушно отозвался, повторив ноту-эталон десятками разных голосов. Гул в зале быстро стих, чтобы почти сразу смениться аплодисментами: на сцене появился чернявый, как ворон, фразный пианист. Последние мгновения на то, чтобы откашляться и, скрипнув стулом, сесть поудобней; последний торопливый шепот: дирижер уже поднял руки.

Издалека донеслась переключка охотничьих рогов; налетел ветер тревожным тремоло струнных, а за ним – успокаивающая пианинная гамма, снизу вверх и сверху вниз. Еще дуновение, меланхоличный аккорд деревянных, и – ах! – вылетели из лесу всадники и помчались, трубя в рога, с крылатыми плащами за спиной. Что за радостную весть несут они, королевские глашатаи? Нет времени подумать об этом: решительно вмешивается фортепиано, чтобы дать дорогу новой теме, и уже видятся Делии воздушные танцовщицы в напудренных париках – маленькими шажками двигаются они, привстав на цыпочки.

Басовитый кашель, оглушительно громкий, заставил ее содрогнуться и сжаться в комок – до того всегда стыдно за тех, кто неуклюже поводит плечищами в крохотной лавке, забитой хрупкими драгоценностями. Так когда-то бывало стыдно и за отца.

Сидевшая рядом Ванесса обернула лицо в сторону нарушителя; лоб ее прорезала страдальческая морщинка, губы гневно сжались. Она не побоялась бы шикнуть на него, если бы могла, – подумала Делия и почувствовала, что благодарна ей за это.

Музыка, светлая и искрящаяся, быстро затянула ранку, сквозь которую начали было сочиться неприятные воспоминания, и Делия, закрыв глаза, вновь обратилась в слух – бестелесно и безостаточно, чтобы не пропустить ни ноты, чтобы унести все в памяти и потом, когда нужно, припадать к этому источнику в отупляющей рутине домашних дел. Руки, затянутые в перчатки, сжимали программку, в которую она заглянула-то один раз – до начала концерта; зачем? Все понятно: вот первая часть, анданте, сменилась адажио, задумчивым и таинственным, и пальцы задвигались безотчетно, изголодавшись по клавишам. Мелькнула мысль: в следующий же раз, когда будут дела в Сити, зайти в ту книжную аркаду – там ведь был большой нотный отдел... И сразу же: ведь дома нет пианино! И затем: нет, все равно *так* я не смогу... Вдох украдкой, и до самого аллегро – тягучая грусть, к которой так подходила эта музыка.

Когда же отгремел финал – короткая третья часть пронеслась вихрем, ошеломив ее, – Делия совершенно забыла все свои печали, настоящие и мнимые. Она так восторженно аплодировала, что мистер Вейр, кажется, раздумал спрашивать ее о впечатлениях и только заметил:

– Вам легко угодить, мисс Фоссетт! – так лукаво, что она смутилась. А он продолжал: – Это, конечно, очень неплохой оркестр, но мне все-таки жаль, что вы не слышали Мельбурнского симфонического: он не играет в этом году. Вот если бы приехали в прошлом...

– Ну, сегодня они вполне справились, – возразила Ванесса, – хотя такую несложную вещь грех испортить. И с пианистом нам сегодня повезло.

– Ты так говоришь, будто часто слышишь здесь плохих пианистов.

Они вышли в фойе, не переставая болтать. В воздухе стояло праздничное, оживленное гудение – сотни столичных меломанов обсуждали услышанное, предвкушали вторую часть, и неопишимо приятно было находиться среди них и тоже делиться впечатлениями на равных.

– В нем есть что-то бетховенское, в этом концерте, – сказала Ванесса, вертя в пальцах бокал. – Вам не показалось?

– А, так вот почему его Второй понравился мне больше, – рассмеялся мистер Вейр.

– Тебе понравился не концерт, а хорошенькая пианистка. А немцы в музыке все равно дадут фору кому угодно. Хотя Сенс-Санс великолепен, спорить не буду.

– А как вам эта его шутка со сменой ролей в третьей части? Я чуть на месте не подпрыгнула! – восхищенно призналась Делия. – Решила даже, что оркестр ошибся, но ошибиться так слаженно...

Голова у нее слегка кружилась от возбуждения, словно она выпила вина вместо лимонада (Агата не одобрила бы спиртного). Вокруг смеялись и галдели, иностранное имя заезжего пианиста носилось из уст в уста, коверкаясь на все лады. Звенели бокалы; пахло духами и табаком. В какой-то момент Делия почувствовала, что кто-то наблюдает за ней; едва она повернула голову, как белое лицо в обрамлении темных кудрей скрылось за веером, а потом и вовсе исчезло в толпе. Померещилось, решила она – не без тени тревоги, впрочем; но вот раздался звонок, и вместе со всеми они вернулись в зал.

Шехерезада, объяснила ей Ванесса, была женой свирепого восточного правителя. Разве вы не слышали об «Арабских ночах», мисс Фоссетт? Ну неважно; этот правитель – султан Шахрияр – поклялся убивать каждую новую жену после первой ночи, но умница Шехерезада спасла свою жизнь, рассказывая ему сказки, столь увлекательные, что он не мог не дослушать до конца. К слову, сказки действительно прелюбопытные, особенно с бёртоновскими комментариями. Жаль, достать это издание трудно: цензура из кожи вон лезет, лишь бы публика не увидела чего-нибудь «неприличного».

Делия хотела спросить, откуда Ванесса все это знает, но аплодисменты оборвали беседу, и вот уже, после паузы, грянула в унисон грозная медь.

Она встретила эту музыку с опаской: что можно ждать от композитора, который написал сюиту по мотивам сомнительной книжки? Но скоро, очень скоро у нее – против воли – побежали по спине мурашки, и сладко сжалось в груди, до того проникновенно пела в тишине скрипка. Новая тема набежала легкой волной – и вдруг выросла, обдала сияющей россыпью мелких брызг. Не может быть *это* – сомнительным, неподобающим, да если бы и было – боже мой, какая разница, если так хорошо, если душа взмывает в ослепительную высь, и слезы выступают на глазах, и думаешь только об одном: пусть это продолжается, пусть никогда не наступит серое, будничное – шляпка, трамвай, вежливое прощание. Нет, не сейчас: еще целых три части. Вечность.

Музыка говорила с ней, листала страницы волшебной книги, написанной певучей вязью, и Делия чуть не вскрикивала от радостного узнавания никогда не виденного, пряного и цветистого Востока. Дворцы и мечети, смуглые рабы и персидские красавицы в чадрах, верблюды, груженные диковинными товарами. Я знаю, прошептала она мысленно, я понимаю тебя, вели-

кий мастер из далекой заснеженной страны, пусть даже мне незнаком твой родной язык. Вот же она, Шехерезада – эта чарующая скрипка; она тклет узор своих сказок – убаюкивающе, нарасспев – до рассвета еще много времени. Одна история сменяет другую: то нежная и трогательная – о любви; то драматическая – картина погони, боя. В конце концов яростный шторм разметал в щепки корабли, и перехватило дыхание от этой мощи, будто и ее окатило волной.

Подлокотник рядом хрустнул, и Джефффри повернул голову: девушка сидела бледная, с припухшими глазами, и комкала в руке носовой платок. Она казалась потрясенной, и он, неожиданно для себя самого, почувствовал уважение к ней. Маленькая мисс Фоссетт, оказывается, умела не только смущаться, но и слушать музыку! Когда смолк оркестр после долгого, постепенно затухающего финала, она аплодировала восторженно, но с лица ее не сходило отрешенное выражение. Видно было, что она хотела бы сейчас помолчать, и он тактично не стал начинать приличествующей случаю болтовни.

Обе девушки уже двинулись к выходу, и тут Джефффри обнаружил на полу возле соседнего сиденья платочек. Голубой платочек с вышитой золотистыми нитками надписью: «Адриана».

Он догнал их уже в фойе. Мисс Фоссетт покраснела, когда он отдал ей платок – впрочем, она вечно краснеет. Иногда это даже выглядит мило. Она по-прежнему витала в облаках, но потом, когда он помог ей надеть пальто, вдруг спросила:

– Так султан все-таки уснул?..

Джефффри справился с удивлением почти сразу.

– Да, – подтвердил он утешающе, – и Шехерезада ушла из спальни на цыпочках.

14. Рэйли-стрит

Опустив глаза, она следила, как янтарная струйка, исходя паром, переливается из носика в тончайшую, костяного фарфора, чашку. Ее гордость, свадебный подарок от учительниц – английский сервиз, расписанный цветками вишни. Наполнив чашки, одну за другой, добавила в каждую молока – неторопливо, аккуратно, все еще не поднимая головы. Со стороны, вероятно, казалось, что она не может оторваться от созерцания изящного переплетения стебельков на белоснежном фарфоре; но только ей было ведомо, почему так медленны сейчас ее руки и почему она не поднимает глаз. Лишь поставив молочник на место и сделав приглашающий жест, Агата отодвинулась – и обреченно подняла голову.

Она не ошиблась: мистер Вейр смотрел на нее. Смотрел так же, как в самый первый раз – прямо и внимательно. Не оценивающе, нет, слава Богу; не изучающе. Скорее пытаюсь запомнить – так, наверное, смотрят «впрок» художники или фотографы, когда хотят унести запечатленный образ предмета. Но не это было ей неприятно. Агата даже себе не могла объяснить, что именно, просто чувствовала, что перед ней – не самодур вроде отца, любившего подчеркивать, что все будет только так, как он захочет. Тут было другое: за учтивостью, за мягкими, с ленцой, движениями таилась сила, и ей становилось неуютно. Такие люди опасны тем, что в них легко ошибиться. Люди с двойным дном. Но формально придраться было не к чему, и она продолжала улыбаться и через Делию вести приличествующую случаю беседу.

Мисс Вейр, прямая, будто аршин проглотила, хранила молчание – как показалось Агате, несколько надменное. Однако же они добры к Делии, и при мысли об этом ей становилось неловко за собственную плохо осознаваемую неприязнь. Их семья была так гостеприимна, и сама хозяйка потом, после визита, прислала еще одно письмо, в котором сожалела, что она, Агата, не может к ним приехать. Множество искренне теплых слов, перед которыми чувствуешь себя бессильной – боишься поддаться, растаять, уступить мимолетному, пожертвовав вечным. Вот и теперь – приходится нарушать траур, чтобы не выглядеть невежливой. Им ведь известно, что она принимает заказчиц и выходит на улицу...

Нет, хорошо, конечно, что у Делии появилась подруга – дома ей несладко жилось; в школу ее не отдали, приятельниц толком не было. Но как оградить сестру от этого человека – вызывающе эффектного, с замашками светского льва? Какой бедой может обернуться это знакомство! О чем они говорят сейчас? – силилась она прочесть по движениям губ, по неприметным улыбкам и жестам. Как часто бывало в обществе слышащих людей, Агата почувствовала холодящую тревогу оттого, что упускает нечто важное. А Делия что-то взахлеб рассказывала гостье, сложив безмолвные руки на коленях, и та вдруг посветлела лицом и даже чуть подалась вперед, слушая ее. Похоже, они увлеклись бы беседой всерьез, если бы не вмешался короткой фразой мистер Вейр. Две головы, уже почти сблизившись, с сожалением качнулись врозь. Следующая фраза была ей милостиво переведена: гости хотели бы увидеть Тави перед тем, как уйдут. Пожалуйста, – попросила Делия умильно. Как откажешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.